М. БАКУШКИН

Сказание о земле Русской

Михаил БАКУШКИН

Сказание о земле русской

Роман-драма

Бригантина
Абакан•2014

Б-13УДК 821.161.1
ББК 84 (2 Рос.Хак.=411.2)6-5
Б-13

Автор благодарит за помощь
в издании книги Н.И. Бедарева

М. М. Бакушкин

Б-13 **Сказание о ЗЕМЛЕ РУССКОЙ.** Роман-драма. - Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2014 г. - 216 стр.

Компьютерное обеспечение:
Дувакина Н.М.

Авторская пунктуация сохранена.

Подписано в печать 28.01.2014. Формат 60x90 1/16.
Усл.печ.л. 13,25. Уч.-изд.л. 13.50. Тираж 500 экз.
Св-во № 1051901115200 от 22.12.2005.

Отпечатано с оригинал-макета на ризографе «RISO»
г. Абакан, ул. Промышленная, 31

© М.М.Бакушкин, автор, 2014

СЦЕНА 1.

Суздаль. Край города. Два старых жителя.

Первый

– Ох, Русь, Русь...
Неспокойно что-то сердцу моему.
Время, время,
ох, ох...

Второй

– Чего вздыхаешь?
Напрасно все,
кто исчислит время Ей?
Надёжно стоит Она под небом,
уж сколько лет и ничего…

Первый

– Надёжно-то стоит,
что без греха и страха…

Второй

– Но что такое грех?
В природе нет его.
Живут же счастливо народы,
не думая о нём.
Чего бояться им?
Греха?
Смешно...

Первый

– А как же страх?
И дан он для чего?
Узнал ли кто его природу?

Второй

– Страх?
Изобретенье человека!
Его он сам себе и дал…

Первый

– Но как?!
И для чего,
он изобрёл себе его?!

Второй

– Вот, если кто-нибудь шепнет тебе на ухо,
что существует грех,
а ты в него поверишь,
он тотчас станет жить в тебе,
и для тебя существовать.
Страх – лжи аспидовое семя,
а верою взращённый плод.
Вера в грех –
вот кто отец и мать его,
в них страх берет своё начало,
и суть его природы.
Блажен, кто распознал её…

Первый

– Тут я готов с тобою спорить
и страх готов я защищать!
Пусть! Он изобретенье человека.
Пусть! Даже порождение греха.
Но самое полезное из всех изобретений,
что человек смог сделать для себя!
Его изобретя,
он спас и сохранил себя!
Человеку страх необходим,
ему надёжно и не страшно с ним!

Второй

– Умно, умно, нечего сказать.
Но думаю необходим он тем,
кто мал еще умом,
и страсти обуздать свои не в силах.
Мужам свободным он не нужен,
рабам необходим, как плеть коню...

Первый

– Ох, уж эта свобода.
Хорошенькое слово...
Приятно греет слух,
и сладко ум кружит.
Ложь и омерзенье!
Нет более порочнее греха,
глупее нет изобретенья,
несчастнейшего заблужденья,
безбожнее, коварнее врага!
Хоть страх и непривлекательный на вид,
не так-то он и страшен.
Свобода-то бывает пострашней,
хоть и красавица на вид.
Сама ж свободой лишь дразнит,
свободой лишь ласкает,
пороками к себе манит,
в сердцах их только разжигает.
Богатство, власть она сулит,
к закону, миру призывает,
сама же ссорит - не роднит,
и меж собою разделяет.
Свободу только обещает,
на деле лишь она губи́т,
на деле лишь закабаляет.
Страх для глупых некрасив,
трусливых он пугает,

своею правдою страшит,
души же он – не искушает.
Свобода лживостью смердит,
к греху и смерти тянет!
Где страх, там чистота,
там красотой своей душа,
себя и мир спасает!

Второй

– Но страх зато не выбирает.
Добро и зло знать запрещает,
судом и адом лишь пугает,
в рай душу силою ведёт,
и силой верить заставляет!
Согласен, свобода тяжела,
страшна, невыносима,
но лишь для трусов и глупцов.
Для смело мыслящих умов,
она необходима,
как воздух чистый для орла,
как свет высокий для ума,
как для любви нужна любовь,
так и свобода для творцов!
А страх - пища для раба.
Вот что душе бывает страшно,
незнание – душе опасно...

Первый

– Возможно ты и прав,
но вот что я тебе скажу:
уж если выпало греху,
у человека появиться,
ничто не страшно и опасно,
как если есть соблазн к нему.
Не стал бы кто оправдывать его...

Второй

– Пожалуй, что и ты прав тоже,
но если дерзкий ум
не скажет своё слово,
тогда и не случиться ничему...
Ум!
Вот добра и зла основа,
возложим на него вину...
Но оправдаем,
способность различать добро и зло
и возможность созидать Творцу подобно.
Тогда и дух творит свободно,
и страх бежит прочь от него.
Вот что по сути есть свобода!
Вот что по сути без греха!
Не здесь ли нужно искать истину?

Первый

– Смотри, что это там?

Второй

– Где?

Первый *(показывает рукой)*

– Вон там.
Как будто пыли столб идет от горизонта,
и будто к нам он движется сюда, –
всматривается, –
так и есть,
сюда идёт.
Неужто кто незваный жалует?
Но кто?
С добром иль худом?
Вот вопрос...

Второй

– И князя нет уж сколько дней во граде,
охотой тешит все себя,
как будто дома дел ему не достаёт.
Премного увлекается он праздною забавой,
совсем забыл про свой народ,
ему врученный Богом.
Ох, не кончится добром всё это, чую я.
Ох, чую, чую...

Первый

– Не дай-то Бог,
не навлекай на нас беду…

Второй

– Не накликаю,
но сердце видит лучше,
и Бог здесь не при чём,
коль сами отвернулись от Него,
и веру предков позабыли...

Первый

– А коли враг проведает об этом?
Что тогда?

Второй

– Тише, –
оглядывается, –
беда! Беда тогда,
проведай супостат об этом!
Поверь уж мне,
сумеет сделать он,
народ наш сиротым и нищим.
В его ж родной отчизне,
его же превратит в раба,
догадайся только он об этом...

Вот и бояться надо не врага –
безверия!
Безверья!
Вот кого страшиться нужно.
На свете лютее не сыщется врага!

Первый

– Да-а, без веры наш живёт народ.
Беда!
Беда, народ безверный поджидает!
Нет князя,
некому родную веру в народе божьем поддержать,
К чужой! Чужой,
склониться может он без головы-то!
Представить ли возможно,
что станет с ним тогда?!

Второй

– В другой! В другой!
Он тотчас превратится,
иль сгинет вовсе без следа!
Вот о чём печалиться нам стоит…

Первый

– Да-а, достойная печаль,
под стать она и горю.
По мне, уж лучше сгинуть бы ему,
чем духом оскопиться.
Но худшая ждет доля народ такой,
от вере к вере – чужим ему,
начнёт скитаться он,
духовной жаждою томимый,
но не напиться никогда,
от духа чуждого напитком!
Как нищий, на вечное скитанье обретя себя,
Он не найдёт себе пристанища и крова,

пока на дух родной, как на скалу,
ногою верности не обопрётся...

Второй

– Согласен я с тобой, всё так,
на свой презрев,
чужим уж не наешься,
и крошками с чужих столов,
не напитаешься во век…

Первый

– От жажды духа,
он сердце иссушив своё,
завянет,
как куст заброшенный без влаги,
побегов молодых не дав.
Свой дух, своей и вере,
Бог в пищу строго указал,
где дух и вера –
сродни должны быть по природе,
вот тайна жизни в чём заключена,
у каждого народа.
Своим питаясь духом вера,
своим должна и духом расцвести,
вот назначенье в чём
для каждого народа!
Спасеньем было б для ума слепого –
распознавание пути родного!
Иначе ждёт его вражда –
от принятия пути чужого...

Второй

– Единодушен тут с тобою я.
Мудрый закон поставил Бог,
всем людям на земле.
Не худо б этому закону,
народ и князя обучить…

Первый

– Не худо б, не худо…
Закону этому,
небесная подчинена природа,
разнообразием своим жива она,
лишь потеряв хоть часть одну,
из многоцветья своего –
скуднеет дух и вянет красота её.
За ней без красоты,
земная безобразной становится природа.
Все по вине заблудшего народа,
лишившего себя ума,
не пожелавшего принять –
родного Бога.
Такого Бог терпеть не станет…

Второй

– Да-а, терпенью Божьему имеются границы,
не дай-то Бог, кто переступят их…

Первый

– Не дай-то Бог,
конец наступит для него тогда...

Второй

– Но что же делать нам?
Бежать?

Первый

– Куда?
И кто с тобой мы без отчизны?
И что мы стоим без неё?

Второй

– Тогда спасать,
спасать её нам нужно,
но как?
Вот трудность в чём заключена...

Первый

– Как спасать,
про то Варвара –
душа народа знает.
Но она не здесь,
её нет с ним –
забыли все давно уж про неё...

Второй

– Тогда послать,
послать за ней скорее нужно...

Первый

– Сначала бы найти ему её...

Второй

– Но вспомнит ли народ о ней?

Первый

– Боюсь, что слишком поздно...
Не лучше ль, как всегда, повременить?
И в этот раз, рукою всемогущей,
от чад своих, хоть и неверных,
беду Бог, может, отведёт...

Второй

– Будем надеяться...

Первый

– Будем надеяться...

СЦЕНА 2.

Лесная поляна. Варвара собирает прекрасные цветы и плетёт из них венок, при этом весело и радостно напевает песнь Богородицы. Длинные русые её волосы распущены.

– Государыня Макошь-Матушка!
Мать небесная, Богородица,
сопряди для нас жизнь укладную,
жизнь общинную, для всех славную.
Прославляем Тебя Мать-Наставницу,
добродетельну и старательну –
к людям ласкову и премудрую!

Вдруг на поляну выходит раненый, истекающий кровью медведь. Он страдает, жалобно рычит и направляется к Варваре. Та замечает его и спешит к нему навстречу.

Варвара *(заботливо)*

– Что с тобой, чадо Божие?
Кто обидел тебя? Кто поранил?
Во чертоге своем, знать, не сиживаешь,
по чужим тропам, знать, ты хаживаешь...

Затем она вытаскивает из венца листок и прикладывает его к ране медведя, приговаривая:

– Заживись, затянись рана малая и глубокая,
плоть начальная – телам крепким стань,
ты же кровь – Божья кровушка,
что на земь течёшь – землю-матушку,
не вода же ты – жизни силушка,
жизни силушка – Божья душенька.
Воротись, возвернись, где положено,
Богом течь тебе – в жилы-венушки...

Кровь останавливается, рана затягивается и заживает. Медведь благодарно рычит. Вдруг слышится звук охотничьего рожка. Медведь настораживается и беспокойно рычит. Варвара, опасаясь за жизнь медведя, прогоняет его с поляны в лес, говоря ему:

– Возвращайся, ворочайся во чертог ты свой,
занимайся делом там своим.
На кривые пути не сворачивай,
на чужие умы не заглядывай,
не своё добро не высматривай,
знай пути свои – волю Божию,
чти и славь – Правь небесную,
благодарен будь – жизнь Подателю,
множь, храни – род родимый свой,
оправдай себя – добрым деланьем...

Медведь уходит в лес. На поляне появляются князь Всеволод, его дружина и свита.

Ловчий *(князю)*

– Он где-то здесь, недалеко,
следы сюда ведут,
но здесь же исчезают.
Но где они? Не видно их...
Нечисто что-то тут, нечисто,
чую я, ох, чую...

Тут он замечает Варвару и с надеждой восклицает:

– О! Вот, кто сможет указать,
дорогу нам к нему.

Все направляются к девушке.

Ловчий *(Варваре важно)*

– Ответь, девица, нам,
в какую сторону ушёл медведь?

Варвара оставляет без внимания вопрос ловчего, обращается к князю:

– Здрав будь, князь Всеволод...

Князь

И ты будь здрава,
прекрасная девица...

Варвара

– Давно ль покинул, княже, град ты свой?
Что привело тебя,
в столь далёкие места твоих уделов?

Князь, очарованный её красотой, охотно отвечает:

– Охота на зверей и птиц
привела меня сюда.
Сейчас вот гоним мы медведя...

Ловчий *(Варваре раздражённо)*

– Ты скажешь, наконец,
куда ушёл медведь?

Варвара *(ловчему)*

– Не о том печалитесь вы, сударь,
у государя ранено плечо…

Ловчий

– Медведь!
Медведь проклятый,
нанёс рану господину моему,
когда он травил его.
И князь едва ли не погиб,
в когтях его смертельных,
но подоспел тут я,
и вырвал из лап свирепых государя.
Укажи дорогу нам к нему,

сейчас же,
и рана будет отмщена...

Варвара

– Как может быть проклятой,
от Бога родившаяся дщерь?
Не клевещите на Его дитя, о сударь,
и мстить вы ей остерегитесь впредь...

Ловчий *(тихо)*

– Остра на язычок,
нечего сказать,
да и чинов, видать, не различает,
не говоря уж о почитании их –
дикарка...
Ну, что ж, посмотрим,
что дальше делать будешь ты?

Варвара подходит к князю, прикладывает листок из венца к ране, заговаривает её и рана затягивается.

Князь *(радостно восклицает)*

– О, чудо!
Рана зажила, смотрите!
О, чудо!
Я здоров! Я полон сил!
Готов сейчас же мчаться я в погоню.
Но странное со мной творится,
впервые не хочется продолжать мне,
прежний путь...

Ловчий *(князю тихо)*

– Князь, она колдунья,
явления такого не может быть в природе,
ведь у заморских лекарей,
подобных нет рецептов...

Князь *(Варваре)*

– Скажи нам, юная девица,
кто ты? Откуда?

Варвара

– Неужто, княже,
меня ты не признал?
Хотя не мудрено…
Зовут меня Варварой,
с тобой мы рода одного...

Ловчий *(князю)*

– Ишь, куда хватила...

Князь *(удивлённо)*

– Мы? С тобой?
Но что ты делаешь тогда,
в глуши такой одна?

Варвара

– Я не одна.
Здесь нет глуши,
здесь звукам мудрой тишины,
я с упоением внимаю,
из них музыку я слагаю,
и кроме жизни, красоты
здесь ничего не наблюдаю.
Я их люблю и понимаю,
я дочь Природы, как и ты...
Открой и ты свой умный взор,
и огляди вокруг им рукоделье Божье,
и встреть им красоту Его.
Она тотчас откроется ему,
и поспешит к тебе,
как мать дитю спешит навстречу...

Ловчий *(насмешливо)*

– Ха-ха,
вот насмешила…

Князь

– Что слышу я!
Чудные речи от девицы!
Мужам подобные порою не под силу.
А часто ли во храм ты ходишь?
Прилежно ль молишься ты Богу?

Варвара

– Как часто я хожу во храм?
Я никогда о, князь, его не покидаю...

Князь *(удивленно)*

– Как же так?

Варвара

– А не везде ли Бог?
Не чудны ли Его вокруг деянья?
Творца сих умных дел,
я славлю,
с радостью и неустанно,
везде,
где мудрое подскажет сердце мне,
в любви Ему признаться пожелает,
и храмы все Его я ведаю и знаю...
В одном свободно я гуляю,
в другом я временно живу,
а третий в сердце созидаю,
и в нём Творцу единому служу...
Какой из них ты, князь, имел в виду?

Ловчий *(князю)*

– Еретичка...

Князь

– Мудрёные твои слова,
и не совсем понятны.
Живи как знаешь,
но я должник твой,
ты жизнь спасла мою,
чем отплачу тебе я,
за доброту твою?

Варвара

– Полно, князь…
Я долг любви свой вечный исполняю.
Мою жизнь – мне оставь,
но жизнь не тронь зверей и птиц,
и отпусти ты их в свои чертоги.
Во град спеши скорее свой,
оставь охоту на медведя,
и не трави его,
не одного ли дети вы Отца?
Вот и будет это для меня наградой,
коль хочешь впрямь меня вознаградить...

Ловчий *(Варваре)*

– Что говоришь ты, девка?
С ума сошла,
ровняя князя и медведя? –
Князю:
– Не престало государю,
слушать сомнительные речи,
легкомысленной девицы,
мужское дело ждет нас, князь, спешим.
Вон звук рожка зовет уж нас к делам,
настигли, знать, загонщики медведя,
поспешим, князь, поспешим...

Князь *(Варваре)*

– Призыв рожка зовет меня в дорогу,
не волен в чувствах я своих,
то обстоятельства хозяева мои.
Прими вот этот перстень от меня,
не плату за спасенье,
а дружбы и союза знак,
и помни нашу встречу...

Он снимает с пальца перстень и надевает на палец девушки.

Варвара

– Не забывай и ты, князь, обо мне,
прими и ты знак дружбы нашей,
и от меня вот этот дар.

Она снимает со своей головы венец и надевает его на голову князя.

– Залогом будет он служить,
союза нашего с тобою
и память к долгу пробуждать твою,
храни и не теряй его.
Теперь прощай,
иди, куда решил идти.
Да будет Бог тебе судья,
и совесть помощью в пути…

Князь

– Прощай и ты, душа моя,
увидимся ль еще?
Был счастлив встретить я тебя,
счастливей буду –
не разлучаться никогда.
Люба ты мне,
хоть и не совсем понятна…

Варвара

– А коль люба,
так поцелуй – узнай меня,
тогда я стану для тебя понятна,
тогда узнаешь и себя...
Но что с тобою, князь?
Ты смущён?
Ты сомневаешься?
Но в чём?
А может, ты любви страшишься?
Любовь – Отец наш!
Любовь – наш Бог!
Коль любишь, так любить спеши,
смелей же князь, смелей, не жди!
Любовь подскажет – кто есть ты!

Она подходит ближе к князю и пытается обнять его.

– Не скрою, князь,
и ты мне люб...

Ловчий *(князю)*

– Она распутница...

Князь жестом руки останавливает Варвару.

Князь

– Краса моя, ты радость мне,
я сто раз «за» в своей душе,
но свет что скажет обо мне.
Он больше к правилам приучен,
и по любви жить не научен.

Варвара *(разочарованно)*

– Ах, вот что, князь, страшит тебя –
свет, окружение, молва...
Как странно и как жаль,
что сам великий государь,
закон, что жизнь ему даёт –

его не знает, а живёт...
Ну что же, князь, прощай, увы,
знать, не дорос ты до Любви...

Она отворачивается от князя и отходит в сторону.

Князь

– Прощай, Варварушка, прощай,
надеюсь встретимся ещё,
тебя вовек я не забуду...

Ловчий *(тихо)*

– Как же, как же, не забудешь…

Князь и его окружение уезжают. Варвара одна. Она расчесывает свои волосы и заплетает их в косу, поёт:

– Ох, Ты, Лада-Матушка!
Матерь Сва-Богородица!
Без Любви и счастья не оставь Ты нас,
Благодать Любви,
да пошли Ты нам...

СЦЕНА 3.

Суздаль. Городская площадь полна народа. Несколько молодых зевак.

Первый

– По какому случаю
народ собрался?

Второй

– На чужеземцев пришли поглядеть.

Третий

– Говорят, интересного много ожидается.

Четвертый

– Видно, много дивных товаров привезли,
вон как бойко идёт торговля,
да и народ славно веселится.

Пятый

– Пойдём и мы к ним,
может, и впрямь найдём,
чем подивится...

Молодые люди уходят. Тут же несколько иноземцев наблюдают за происходящим.

Мордухай

– Что скажешь, Схария?

Схария

– А то и скажу –

хорошая эта страна,
как родных нас встречают...

Мойша

– Эта неправда...

Сxария

– Почему неправда?

Мойша

– Нет, это правда,
но это твоя правда...

Сxария

– Моя?
Почему моя?

Мойша

– Потому что ты сказал,
что как родных нас встречают,
и что хорошая эта страна.
Ты именно так сказал?

Сxария

– Ну да, я так и сказал,
что хорошая эта страна,
и как родных нас встречают.
Разве эта неправда?

Мойша

– Правда,
но эта твоя правда,
и твоя неправда...

Сxария

– Что-то мудришь ты, Мойша,

лучше скажи –
у тебя-то, у самого,
есть правда?

Мойша

– Есть.
У каждого есть правда,
но только своя правда.

Схария

– Ну, и какая же твоя правда?

Мойша

– Моя правда,
что нас ни как родных встречают.

Схария

– А как нас встречают?

Мойша

– Роднее родных...

Схария

– Хорошая у тебя правда.
Тут твоя правда...

Мойша

– А я что говорил,
у каждого своя правда...

Мордухай *(строго)*

– Хватит вам!
Твоя, моя!
Тут наша правда…

Схария и Мойша *(вместе)*
– Эта правда, эта правда...

Мордухай *(кивает головой в сторону площади)*
– У них вон тоже есть своя правда,
но они её не знают.
Они думают,
что правда на всех одна,
но это неправда.
Незнание своей правды –
губит их.
Потому они и любят чужую правду,
и всё чужое.
Своё,
и всё, что им родное –
чужим,
неправдою считается у них.
Любовь к Правде,
и знание своею правды –
две несовместимые правды!
Если бы этот народ,
знал свою правду,
и не терял бы её –
стоять ему бы вечно,
пока жива земля!
И не сломили бы его:
ни ветер перемен,
ни мор, ни глад и ни пожары!
Не испугали бы его:
ни хищный враг,
ни вор коварный,
ни привлекательность чужих идей –
не завели б его в тупик.
Ни вредные советы,
лукавых мудрецов,

не сбили бы с пути его родного.
И даже ни столетняя война,
ничто ему б не повредило –
как потеря своей правды,
что Богом всем народам роздана,
для разнообразного цветенья.
И жить ему бы вечно,
делами плодотворными цветя.
Но не имея своей правды, он,
как древо без корней, навеки засыхает.
Так и человек без правды,
исчезает без следа.
Хотя, конечно, жаль, увы,
но что же делать,
коль он сам повинен в своей смерти –
корни обрубив свои.
Тут мы вину с себя снимаем,
и умываем руки.
За это Бог нас не осудит.
На этот счёт у нас свои
есть оправданья перед Ним.
С тех пор, как помню я себя,
я задаю себе один и тот же вопрос:
а хорошо ли не иметь и не знать своей правды?
Что думаешь об этом, Схария?

Схария

– А то и думаю,
что они не думают об этом...

Мойша *(вмешивается)*

– Эта неправда...

Схария

– Что неправда?

Мойша

– Неправда то,
что они не думают об этом…

Схария

– Неправда,
что они не думают об этом?

Мойша

– Нет, это правда,
что они не думают,
но неправда,
что они не думают именно об этом...

Схария

– А о чем же,
они по-твоему думают?

Мойша

– А они вообще ни о чём не думают…

Схария

– Ты думаешь,
что они ни о чём не думают?

Мойша

– Я именно так и думаю…

Схария

– Но это же хорошо,
что они ни о чём не думают...

Мойша

– Я думаю,
Это хорошо для нас…

Захария

– Ты хорошо думаешь, Мойша…

Мордухай

– Рано, рано торжествуете победу,
шутить остерегитесь впредь.
Нелёгкой чувствую достанется победа,
но ничего, покорим и этот мы народ –
заставим на себя его трудиться,
хоть сильный и бесстрашный он,
и справедливость выгоде предпочитает.
Смотрите, как ведет он интересно торг:
в рост ничего он не даёт,
неправдой нажитого не берёт,
распискам предпочитает слово.
В итоге – не в убытке он.
Почему?
Закон небес, всего живого –
в нём нет желания чужого,
в нём есть стремление к добру,
а это всё Любви основа,
что прибыль всем –
ни одному!
Здесь выход вижу я один:
вот если стал бы он другим
и стал желать бы он чужого,
а это всё есть зла основа –
в убыток стало бы ему.
Но главное я вам скажу:
коль у всех живых существ,
связь с Богом нерушима,
никто во всей Вселенной,
не в силах разорвать её.
Попытки будут бесполезны,
лишь Божий гнев сразит его.

Но вот желание выбора расы* –
Бог не отнимет у него!
Известно мне, народ от Веры этот,
происхождение своё ведёт,
но Веру Знаньем он свою не бережёт,
вот где хранится смерть его,
сюда нам надо и ударить!
Раз дух его питается лишь Верой –
не будем мы ему мешать, –
пусть верит,
но только в то, что мы ему подскажем.
Теперь внимательно послушайте меня:
Русская душа,
все мироздание – образами мыслит,
и в образах Творца Единого в себе содержит.
Они живут в понятиях её,
отнять их нужно у неё,
заменив безобразным их словом.
Сознание народа тогда перевернётся,
глупее станет он осла,
и даже имя позабудет он своё,
не понимая, что вокруг него творится.
К своему родному он неприязнью загорится,
а чужое он примет за своё.
Вот до чего мы доведём его...
На этой вот основе,
ему напишем мы ученье,
противное его уму и Вере,
и вредное его природе,
чтоб смог сменить себе он расу.
Он по своей привычке – верить,
особенно чужим,
в чужое с легкостью то и поверит.
А не любовь к родному, чужое
он с радостью полюбит как своё.

*Раса - тип, форма отношений человека с Богом. Существует пять типов отношений рас: 1) раб и господин, 2) слуга и господин, 3) дружеские отношения, 4) родственные, 5) любовные. *(Санскрит)*

Не трудно будет расплодить ученье это,
среди обиженных иль недовольных властью,
такие сыщутся везде,
а так же,
среди жаждущих богатства, славы, власти,
а этими вообще хоть пруд пруди,
их в любом народе будто грязи.
Вот их-то и сыщите вы.
Они опорой нашей у них внутри и станут,
и будут нам служить,
на вид служа своей отчизне,
не понимая сами, что служат нам.
Не догадаться им,
что суть ученья – образ неприятный,
их стране мы сотворили,
а привлекательный своей.
Вот так нам надо всё устроить,
так безопасно и надёжно.
На такой народ не надо собирать и войско,
он сам себя побьёт.
Пути иного к успеху я не вижу.
Теперь расходимся все по своим делам,
не нужно нам,
чтоб видели нас вместе...

Схария, Мойша и Мордухай уходят. Народ празднует.

СЦЕНА 4.

Дедославль. Царские палаты. Князь и ловчий одни.

Ловчий

– Отчего не весел, государь?
О чем печаль твоя?
Не радует тебя удачная охота?
Гони дурные мысли от себя,
настал черед нам отдохнуть,
не грех и удалью тряхнуть,
и волю дать здоровью молодому…

Князь

– Не знаю сам, не понимаю,
что гложет сердце мне,
что душу беспокоит.
Дела мои и государства,
идут как будто бы неплохо,
хоть только год прошёл с тех пор,
как батюшка почил мой Юрий.
И по закону предков наших,
единственный наследник я его,
соборно и пред миром всем,
благоговейно и смиренно,
великий стол его я принял,
для процветания Руси Святой...
Как будто нет причин для беспокойства,
но почему тогда волнуюсь я?
Кто скажет мне причину?

Ловчий

– Догадываюсь я, князь,
о чем печаль твоя,
тебе сейчас не до законов,
коль молодость по жилам гонит кровь,
и на руках семейных нет оков.
Я там, в лесу, ещё приметил,
что изменился ты с той самой встречи,
не весел стал,
всё более к делам склонился,
заботиться о государстве начал сам,
забыл досуг, друзей,
и, наконец, меня – преданного друга.
Вот и рассуди, подумай,
что гложет твоё сердце,
и душу что тревожит.
Не встреча ль та, мой государь, всему виною?

Князь *(дружески)*

– Ах, всё ты понял, плут,
ничто не скроешь от тебя,
и я с тобою буду откровенен.
С тех пор, как встретил я Варвару,
так вся печаль моя о ней,
порой не хочется ни пить, ни спать, ни есть,
а что до дел – не скрою,
с усердием за них стал браться я,
и долг пред родиной я знаю,
открою,
хоть нет со мной Варвары рядом,
она моя помощница во всём,
я это чувствую,
но всё же,
что-то мучает меня, смущает,
но что? Не знаю...

Чудна она и странна,
но видит Бог, красой наделена небесной,
хоть юна, но знанием богата –
слепит меня такое злато…

Ловчий

– Она не многого-то стоит,
скажу тебе я честно,
а больше любит мнить,
а что до красоты её –
прелестна,
на время может ослепить,
но сам ведь знаешь,
всем известно –
с лица воды не пить...

Князь *(строго)*

– Оставь! Не смей!
Хотя не знаю,
если честно…

Ловчий

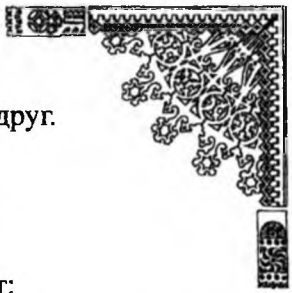
– Вот именно,
со стороны видней...
Ещё скажу причину,
твоих мучений тяжких...

Князь *(оживлённо)*

– Ну!
Говори, смелей!

Ловчий *(вкрадчиво)*

– Венец её тебя смущает,
волнует сердце, ум дурманит,
оставь его, мои государь,
сними с чела – пройдёт печаль...



Князь

– Не то ты говоришь, мой друг.
Не тягощусь своих я мук,
венец её не ум туманит,
он душу, сердце очищает.
Судьбу я принял с её рук,
но что меня в нём удивляет:
уж сколько времени прошло,
а он живёт – не увядает,
как ты считаешь – от чего?

Ловчий

– Государь, она колдунья…

Князь

– Глупец, люблю её...

Ловчий *(тихо)*

– Так я и думал,
князь влюблен,
худое время для меня настанет,
коль девица княжною станет.
Мила, умна она – не спорю,
но с нею я ещё поспорю...
Жестоко ею оскорблён,
но буду, буду отомщён,
дай только срок, дай только срок,
милая девица…

Князь

– Ты что бормочешь там под нос себе?

Ловчий

– Считаю, государь, какой сегодня день...

Князь

– Ну, и какой же?

Ловчий

– Сегодня день Купалы…

Князь

– Нашёл чем удивить,
тут и считать не надо,
любой малец тебе без счёта,
про день Купалы скажет...

Ловчий *(мечтательно)*

– Девицы хороводы, наверное, уже,
давно водить начали,
пока два молодца скучали. –
Подходит к окну и радостно восклицает:
– Посмотри, князь!
Народ спешит за город на поляну,
и там зажёг костры уже,
пора и нам там быть,
поспешим и мы к ним, князь,
поспешим.

За дверью слышатся шаги, ловчий поворачивается к дверям.

– Вот слышатся шаги! Сюда идут!
Гонец, должно быть, от жреца…

Входит стражник и сообщает:

– Гонец к великому князю от жреца...

Князь

– Проси...

Входит гонец. Кланяется.

– Великий государь!
Я от Боговеда – великого жреца,
послал сказать тебе,
чтоб ты спешил на праздник,
Бога нашего – Купалы.
Народ, жрецы давно уж ждут тебя,
всех Русий желают видеть государя..

Князь

– Хорошо, скажи, уже иду...

Гонец уходит.

Ловчий

– Ну, что я говорил?
Пора...
Венец вот только оставил лучше б ты,
жрец не одобрит,
народ что скажет?
Что раньше времени повенчан?
Молва пойдёт:
закон князь предков нарушает,
богов родных не чтит…

Князь

– Оставь!
Опять ты за своё!
Забыл?
Законы наши Любовь не осуждают,
и Бога не гневят.
Кто, кто, а народ поймёт меня,
жрец не осудит,
коль тайну сердца узнает моего.
Тебе ж я тоже,
советую влюбиться,
тогда, уверен,

и ты поймёшь меня…

Ловчий

– Государь, тебя и так я понимаю,
бывал и сам не раз влюблён,
чего, чего,
любовь-то я уж знаю,
но так, чтоб от неё –
ума я не теряю,
всё это сказки про неё...

Князь

– Что этим хочешь ты сказать?

Ловчий

– Ничего,
совет разумный только дать.
Любовь, конечно, хорошо,
но лучше б в рамки взять её…

Князь

– Так, так,
и дальше что?

Ловчий *(загадочно)*

– Тебе так надо поступить,
чтоб разом зайцев двух убить...

Князь *(удивлённо)*

– Ого!

Ловчий

– А что?
Непросто, знаю,
но зато,
ты в выигрыше, князь…

Князь

– В каком?

Ловчий

– Двойном...
Душа твоя, во-первых, любит,
а во-вторых, никто не судит...

Князь *(смеётся)*

– Ха, ха…
Вот это да!
Любить и избежать суда?!
Смешно.
Шутить изволишь?
Не грешно?

Ловчий

– Нет, нет...
Напротив, знаю я,
Как избежать тебе суда…

Князь

– Ну, и как?

Ловчий

– Венец бы снял с себя пока,
на время, так, не навсегда,
что с ним за это время станет,
сказал же сам, что он не вянет,
к тому ж без ног – не убежит,
коль без тебя тут полежит.
На празднике простой наденешь,
а утречком на этот сменишь.
Так ты венец свой сохранишь,
ну, и закону угодишь...

Князь *(восхищённо)*

– Ну, плут! Ну, дьявол! Убедил!
Какой же чёрт тебя родил?!
Пусть полежит,
что с ним случится,
Бог даст, и впрямь не убежит,
уж коли выпало женится,
что проку бегать хорониться,
не в силах будешь и отбиться,
твой жребий он всегда с тобой. –
Князь снимает с головы венец,
и кладет его тут же у окна. –
– Пойдём к народу,
должно быть он заждался своего царя,
один он не начнёт,
и праздника без государя – Руси всея...

Князь и ловчий уходят.

СЦЕНА 5.

Большая поляна полна народа. Рядом протекает река. Все в праздничных белых одеждах, расшитых разноцветными узорами, цветами и солнечными символами. Дети играют в свои игры: перегонки, догонялки, лошадки. Взрослые сидят на мягкой траве, плетут венки из цветов, другие прохаживаются, а кто стоит, наблюдает за происходящим. Молодежь вокруг костров водит хороводы, напевая свои весёлые песни.

– Ой, Ты Ладо, Лада – Свет во бору!
Да во тереме красавица живет,
да во тереме резном, расписном,
да высоком красавица поет,
добра молодца красавица зовет!
Да как ехал молодец на добром коне,
вез подарочки во своём он сундучке.
Да как подарками красавицу одаривал,
ласковы слова девицы он говаривал.
Да как на рученьки красавицу он брал,
во уста красные её он целовал.
Да как саживал девицу на добра коня,
увозил красну со родимого двора!
Ой, Ты Ладо, Лада – Свет во бору!
Да пошли девицам женихов ко двору!

Появляется князь со своей свитой.

Боговед

– А вот и князь,
здрав будь, княже!
Многие лета тебе!

Народ радостно приветствует князя.

– Здрав будь, князь наш Всеволод –
Великий государь всех Русий и Мира...

Князь подходит к жрецу, кланяется и приветствует его.

– И ты будь здрав, отче Боговед,
и тебе многие лета. –
Затем кланяется народу:
– И ты здрав будь, Православный люд!

Боговед *(князю)*

– Рады видеть мы тебя,
в светлые день Купалы.
Восславь же с нами, князь, и ты,
Бога нашего – Купалу.
Очисти телеса свои,
приготовь для Бога их и к долгу.
Сегодня волен выбрать ты,
к утру себе весту*,
пока не встанет Ярило Солнце.
Тебе уж двадцать первый год пошёл,
не так ли, князь?

Князь

– Так, Отче...

Боговед

– Ну, что ж, тем лучше,
тогда не будем медлить,
сегодня ж будешь ты повенчан.
Осталось дело лишь за малым –
венец принять из рук девичьих,
и брачное им увенчать чело,

*Веста - подготовленная и обученная к замужеству девица. Невеста - готовая, но не обученная девица, и потому замуж её не брали. На Руси это считалось браком.

пусть Бог тебе поможет,
а сердце пусть подскажет.
Тебе нужна княжна,
а нам наследник –
Руси заступник и глава...

Князь *(смущённо)*

– Прошу прошенья, Отче,
и выслушать прошу меня…

Ловчий *(князю тихо)*

– Мой государь, не торопись,
не говори всего...

Князь *(ловчему тихо)*

– Прочь, плут!
Не обольщай мой разум ложью,
и сердце кривдой не трави,
законов Прави я не нарушаю.
Забыл?
Я государь Руси!

Боговед

– В чем дело, князь?
Не хочешь ты жениться?

Князь

– Хочу,
и с радостью.

Боговед

– Но на твоем лице,
смущенье вижу я,
иль есть препятствие тому?
Скажи какое?
Я пойму...

Князь

– Я не смущён,
препятствий нет…

Боговед

– Тогда зачем тянуть,
коль срок и место,
выпали удачно?

Князь

– Повенчан, Отче, я уже...

Боговед *(удивлённо)*

– Повенчан?! С кем?! Когда?!
Без благославленья!
Но как же срок? Обычаи?
Из чьих я уст всё это слышу?!

Князь

– Прости, поспешный мой поступок, Отче,
за нетерпенье строго не суди,
я молодость свою,
не ставлю в оправданье,
и титул свои в защиту не беру.
Обычаи я чту,
и сроки знаю,
но сердце выбрало до срока,
внушал и я закон ему,
оно ж в ответ – скорбит глубоко,
не подчиняется уму.
И лишь своё твердит –
Люблю, люблю...

Боговед

– Ну, что ты, князь,
законы наши,

любви не осуждают,
и над любовью нет у нас суда.
Грешно писать Любви законы,
когда Она их всё равно нарушит.
Весту волен выбрать ты по сердцу,
но в уложеньи нашем –
указан срок,
родство души,
и равенство по духу,
должны быть учтены,
вот и все ограниченья.
Неужто тяжкий труд,
о них влюблённым помнить?
Мы все любви здесь служим,
но каждый на своём посту!
Чтоб мудрое принять в любви решенье –
не грех отдать долг и уму...
Открой нам – кто она,
и как зовут её?
Надеюсь, она тебя достойна...

Князь

– Могу одно сказать о ней,
одного мы рода с ней...

Ловчий *(князю тихо)*

– Государь,
уж это слишком,
и так достаточно сказал,
и ничего не скрыл…

Боговед

– Я верю, князь, в твой выбор чесный,
и рад заранее я им.
Теперь не станем более,
мы князя утомлять,

пусть сам своё откроет сердце,
когда захочет,
и к восходу солнца,
покажет весту нам,
сейчас начнём же праздник,..

Играет музыка. Народ поёт словословие Богу Купалы.

– В Светлый день Купалы,
от великого до мала, –
собирайтися, очищайтися,
во Святой Реке,
во Святом Огне,
в Свят текущий Ирий,
Люди Славные – Русы Белые.
Отче Огонь, Мать Вода –
очищают нас всегда,
тело, дух и душу,
от нечистого – Силой чистою,
во Святой Реке,
во Святом Огне.
Разливай Купала Свет,
и даруй нам много лет.
Огради Ты нас – Свят Великий Спас,
во Святой Земле
во Святом Огне,
От нечистого – Силой Чистою.
Собирайтися, очищайтися,
Люди Славные – Русы Белые.

Боговед зачерпывает из серебряной купели ковшом воду, льёт на голову и плечи князя, читает:

– Очисти, Боже, сына тело,
чтоб было крепким – не болело...

Князь направляется к реке и, войдя в неё, трижды оку-

нается. За князем следует его свита, за свитой народ. Хор поёт:

– Ой, ты, Ладо наш Купала!
Свят и Светел от начала,
Ты пролей на тело Свет,
с Ним будь здрав, князь, много лет!

Затем Боговед и князь подходят к костру. Жрец подкидывает в костер сухих веток, читает:

– Очисти, Боже, сына душу,
бесплодно чтоб душа не тлела –
Любовью чтоб к Тебе горела!

Князь трижды прыгает через костёр. Хор поёт:

– Ой, ты, Ладо наш Купала!
Свят и Светел от начала,
Ты пролей на душу Свет,
с Ним будь здрав, князь, много лет!

Боговед подводит князя к горячим углям, читает:

– Очисти, Боже, сына дух,
чтоб дух его не угасал,
а Бога Рода познавал...

Князь трижды проходит босыми ногами по раскалённым углям. Хор поёт:

– Ой, ты, Ладо наш Купала!
Свят и Светел от начала,
Ты пролей на дух Свой Свет,
с Ним будь здрав, князь, много лет!

После очищения своих телес князь ведёт к реке купать своего коня, за ним следует его свита, за свитой народ. Хор поёт славословие Земле Русской.

– Ой, течёт река – Ирий Светлый,
Ирий Светлый, Ирий белый.

Он с небес течёт, да из Вырия,
Он несёт в себе Силу Светлую,
Силу Светлую да могучую.
Ой, Ты, мать моя – Мать Сыра Земля,
Мать Сыра Земля – мать-кормилица!
Воскормила Ты – Свят сынов своих,
Свят сынов Своих – воев Русичей!
Ой, да те Сыны – Свет Святой Земле,
Свет Святой Земле – Русы белые.
Ой, да Славна есть – Земля Русская,
Земля Русская весь просторная.
И во той земле град Отцов стоит,
град Отцов стоит, сад Богов цветёт.
Защищают сад – рати Славные,
вои мудрые – Православные,
лютым ворогам, с пекла тёмного,
не гулять в полях силе вражеской,
силе вражеской, смерти сеющей.
Отстоят они – Русы Славные,
Русы Славные, Мать Сыру землю,
Мать Сыру Землю – Православные!

После купания коней, князя и его друзей девушки увлекают в свои хороводы и игры. Народ празднует.

СЦЕНА 6.

Ловчий наедине с одной из девушек.

Ловчий

– Черна, как ночь,
но вид приятен,
а как на вкус?
Созрел ли плод? –
обнимает.
– У-у, как расцвёл, –
целует, –
вкусна, хвала Богине Ладе.
Из полонянок, видно, будешь?

Девушка *(загадочно)*

– Может быть...
Четвертый год пошёл,
как я пришла на Русь,
ещё при старом князе.

Ловчий

– Откуда и как зовут?

Девушка

– Есфирь, я волошанка...

Ловчий *(удивлённо)*

– Волошанка?!

Девушка

– А что?
Чему дивишься?

На Русь идут из разных мест,
и все кому не лень...

Ловчий

– Нет, нет,
я не про это.
Ведь родом с тех же мест и я...

Девушка *(с радостным удивленьем)*

– Ну, да?

Ловчий

– Вернее, мать моя.
При князе Юрии была война,
её юной девой в Суздаль привели.
Я незаконный сын её и ловчего,
он близок был к князю и двору,
теперь вот я служу ему.
Зовут меня Димитрием,
и рад, что встретил здесь сестру,
сейчас вдвойне тебя люблю...

Хочет поцеловать, но девушка уклоняется.

Девушка

– Не торопись,
не для любви я здесь...

Ловчий *(удивлённо)*

– А для чего?

Девушка

– Для мести, –
тихо, –
и для секретных дел...

Ловчий

– Ого!
Кому? За что?

Девушка *(тихо)*

– Коль выпало найти,
мне брата здесь,
быть может, в нём найду,
ещё и друга?
Уж слишком долго я ждала.
Открою́сь я ему – рискну,
удачный случай он – не упущу. –
Громко Дмитрию:
– Отцу иль сыну всё равно,
за свой народ,
за принесённое ему когда-то зло,
вернуть готова я вдвойне его...

Ловчий *(тихо)*

– Ого!
Хороша сестричка, нечего сказать,
ей-богу, братцу своему подстать.
А что? Тем лучше,
желанья наши совпадают,
они нас мстить объединяют.
Союз достойной пары.
Она пусть князю мстит,
а я Варваре.
Какой же дашь совет мне, моя совесть:
месть – это зло или добро?
Молчишь?
Тогда мне повезло...
Эх, люди, люди,
друг друга Бог им дал любить,
они же выбирают мстить... –

Громко девушке:
– Признаюсь,
и я был князем уязвлён,
и до сих пор не отомщён...

Девушка *(с деланным восхищением)*

– Вот мужа смелого слова,
за них плачу любовью я. –
Целует.
– Пусть будет этот поцелуй,
печатью нашего союза,
скрепит он тайну наших уз,
два сердца братством повенчает,
для мести пусть их породнит...

Ловчий

– Удача нам благоволит...

(целуются)

Девушка

– Меня ты к князю подведи,
как можно незаметней,
а дальше роль уже моя.
Ему в подарок я сплела,
венок чудесный от ума...

Ловчий

– Тогда не будем медлить,
пойдём отыщем князя...

Дмитрий и Естфирь уходят. Входит князь, опускается на траву под деревом. Он грустит.

Князь

– Что мне делать?

Нет Варвары...
Послать за ней скорей гонца?
Он не успеет до утра.
На год ли отложить венчание?
Но строг закон и власть жреца,
мне не позволят...

Входит ловчий.

Ловчий

– Государь, вот ты где,
уж скоро явится рассвет,
а государя нет и нет, –
садится рядом, –
и снова на твоем лице – печаль,
причина всё одна?

Князь

– Признаюсь, друг мой, да.
Лишь к ней одной лежит душа...

Ловчий

– Глупости какие.
Ты оглянись, открой глаза,
красавицами Русь полна...

Входят девушки. Они обнажены, волосы их распущены. Они обступают князя, каждая пытается развеселить, обратить на себя его внимание. Но князь ни на кого не смотрит. Ловчий подаёт тайный знак Есфири, спрятавшейся тут же за деревьями. Есфирь подходит к князю и надевает на голову ему венец.

Ловчий *(громко)*

– Вот она!
Князь, избранница твоя!

Девушки в удивлении замирают.

Ловчий *(девушкам)*

– Что же вы,
не радуетесь за князя?
Радуйтесь!
Князь избрал себе суженую...

Девушки, крича, убегают:

– Князь избрал себе чужую!
Чужую! Чужую!

Князь, Ловчий и Есфирь одни.

Князь *(Есфири)*

– Ты кто?

Есфирь

– Я твоя суженая,
и любовь...

Князь *(равнодушно)*

– Суженая и любовь...

Есфирь *(целует князя)*

– Ты не узнал меня –
свою судьбу,
и госпожу свою?

Князь

– Твой поцелуй,
огнём обжёг мне сердце,
и вихрем закружил мой ум.
Ты та, которую я ждал?

Есфирь

– И я ждала тебя,
и, наконец-то, – дождалась...
(целует князя)

Ловчий

– Зарница,
по небу уже идёт,
предвестница Ярилы.
Жрец, народ уж заждались,
скорее спешите к ним...

Князь и Есфирь, взявшись за руки, уходят. Ловчий один.

Ловчий

– Пошли истории часы,
и я пойду за ними,
и постараюсь не отстать...
(уходит)

СЦЕНА 7.

Суздаль. Корчма. За длинным столом бражничает компания молодых людей.

Игнатка Зуб

– Слыхали,
царь-то наш на иноземке женился?

Ивашка Сверчок

– Ну и ну!
Отродясь на Руси такого не бывало.
Что теперь будет-то?

Гридя Клоч

– Что ему своих мало?
Или Русь красотой оскудела?

Игнатка Зуб

– Может, мало,
а может, и оскудела,
кто про то ведает?
Только не наделала бы чего эта баба,
вот в чём вопрос...

Гридя Клоч

– А что может наделать одна баба,
да ещё иноземка?

Авдей Собака

– Не иначе, как царь с ума сошёл...

Ивашка Сверчок

– Что теперь будет-то?

Авдей Собака

– Неладное будет...

Федька Курицын

– А по мне,
хоть все в тартарары,
лишь бы брашка не кончалась...

Входят Схария и Мойша.

Мойша *(весело)*

– Здорово живёте, молодцы!

Федька Курицын

– Здорово, для нас не ново,
вот коли нальёшь,
глядишь, ещё поживёшь...

Компания весело смеётся. Курицын приятелям тихо:

– Посмотрим,
как начнёт запираться этот жид...

Схария и Мойша подходят к компании.

Мойша

– Для хороших людей,
не жаль и рублей.
Отчего ж не налить,
молодцам угодить. –
Кричит в зал:
– Эй, подавальник,
неси-ка вина,
да побыстрее –
гулять будем...

Курицын
– И закуски...

Мойша
– И закуски...

Курицын
– Вот это по-нашему,
милости просим садится...

Схария и Мойша садятся. Входит подавальник с большим разносом. На разносе кувшин с вином, закуской и две пустые чарки. Подавальник ставит всё на стол и уходит. Курицын разливает по чаркам вино и торжественно произносит.

Курицын *(торжественно)*
– Выпьем за хороших людей. –
Тихо:
– У которых много рублей. –
Громко:
– И за весёлую жизнь...

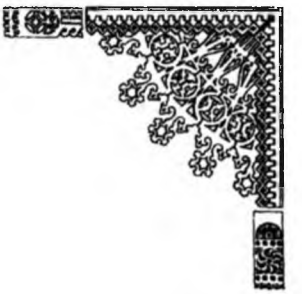
Все поддерживают, дружно выпивают и закусывают.

Игнатка Зуб
– С чем пожаловали к нам?

Мойша
– Торговлю ведём...

Гридя Клоч
– И всё?

Мойша
– А что ж ещё?



Игнатка Зуб

– Да мало ли что...

Курицын

– Не приставайте,
к хорошим людям...

Гридя Клоч

– Мы и не пристаём,
так спрашиваем,
из любопытства...

Курицын

– А вы не спрашивайте,
тех кто угощает...

Авдей Собака

– И то верно,
что привязались к человеку...

Схария

– Говорят,
государь ваш недавно женился.
Выпьем лучше за государя и государыню...

Компания удивлённо смотрит на гостей.

Курицын

– Я сам,
только что хотел это же сказать.
Выпьем за государя и его супругу...

Все снова выпивают и закусывают. Захмелев, друзья осваиваются в компании новых знакомых.

Игнатка *(Мойше сердечно)*

– Вот тебе,
скажу честно –
не люб мне выбор государя.
Вот ты мне люб,
а государь нет...
Тьфу ты, –
Игнатка плюёт и смеётся, –
то есть – невеста,
а впрочем, поди, разбери,
кто из них люб, а кто нет, –
он снова смеётся и обнимает Мойшу.
– Вот ты мне люб,
а они нет.
Что скажешь?

Мойша

– А то и скажу –
твоя правда...

Игнатка

– Моя?
Почему моя?

Мойша

– Сам сказал,
что они не любы,
а я люб...

Игнатка

– И то правда...

Мойша

– Я и говорю –
у каждого своя правда...

Игнатка

– Правда?

Мойша

– Правда...

Игнатка

– И у тебя есть
своя правда?

Мойша

– Есть...

Игнатка

– И какая
у тебя правда?..

Мойша

– Они мне не любы,
а ты люб...

Игнатка

– Правда?

Мойша

– Правда...

Игнатка

– Хорошая,
у тебя правда...

Мойша

– Я и говорю,
у нас одна правда...

Игнатка

– Одна?
Почему одна?
Сам же сказал –
у каждого своя правда...

Мойша

– Ну да, сказал,
потому что,
у нас хорошая правда.
Разве неправда?

Игнатка

– Правда...

Мойша

– Я и говорю,
у нас хорошая правда,
и эта наша правда...

Сxария *(вмешивается)*

– Тут ваша правда...

Мойша

– Неправда,
тут наша правда...

Сxария

– Это правда...

Игнатка *(сбитый с толку)*

– Не понимаю,
какая правда?
Чья правда?
У кого правда? Где правда?

Мойша

– У нас правда...

Схария

– Это правда...

Игнатка

– Почему?

Схария

– Такова судьба...

Игнатка

– Что за судьба?

Мойша

– Доля по-вашему...

Игнатка *(понимающе)*

– Ах, доля, –
смеётся, –
так бы и сказал,
а то судьба...

Ивашка Сверчок *(вмешивается)*

– Хрен редьки не слаще,
хоть по-вашему,
хоть по-нашему.
Всё одно –
ни доли, ни судьбы,
окромя портков,
и те лишь сидеть годны...

Все смеются.

Сxария

– Всё в твоих руках...

Ивашка

– А что в моих руках может быть?
Гляньте, братцы,
что в моих руках?
О! Чарка оказывается,
и та пуста, –
показывает всем пустую чарку.
– Ждёт добра молодца,
чтоб наполнил её,
да всю до краёв,
до краёв родимую...

Все смеются.

Сxария

– Звёзды в твоих руках...

Ивашка *(удивлённо)*

– Звёзды?

Игнатка

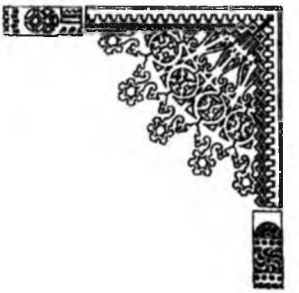
– Это ещё что за новость?

Гридя Клоч

– Вот именно,
как это понимать?

Федька Курицын *(тихо)*

– Мудрит что-то этот жид,
посмотрим выгоду его,
и свою не упустим. –
Громко:
– Шутка, наверно...



Авдей Собака

– Как интересно!
Расскажи, расскажи...

Схария

– Ну,
кто желает узнать,
свою судьбу и звёзды,
показывай руки...

Авдей *(поспешно)*

– Я хочу! Я, –
подставляет руки.
– Вот они, сразу две...

Схария склоняется над руками Авдея и внимательно разглядывает их. С любопытством смотрят и дружки Авдея.

Схария

– Руки человека – есть небо,
на них, как и на небе,
есть свои звёзды, –
он тычет пальцем в ладони Авдея, –
это и есть его судьба.
Что внизу, то и наверху,
что вверху, то и внизу.
Человек сам зажигает себе звёзды,
и сам строит свою судьбу.
Это долю нельзя изменить,
судьбу можно.
Кто был никем,
тот может стать – всем...

Курицын *(с интересом)*

– Неужто всем?!

Ивашка
– Неужто может?!

Сухария
– Может,
только к этому,
надо приложить руки...

Инатка
– А что,
если надо,
можно и приложить...

Авдей
– Я тоже, тоже,
хочу приложить...

Курицын
– Только как?

Гридя
– Вот именно,
как?

Сухария *(с опаской)*
– Тсы-ы? –
прикладывает к губам палец,
и переходит на шёпот.
– Нас могут услышать.
Это не для всякого уха...
Если хотите,
могу подсказать,
только не здесь...

Игнатка
– А где?

Гридя

– Где?

Схария

– Знаете дом дьяка Зосимы чёрного?
Вот там сегодня за полночь.
А сейчас нам пора,
а то и так засиделись...

Схария и Мойша уходят. Компания сидит некоторое время в раздумье. Потом и она, переговариваясь тихо между собой, уходит.

СЦЕНА 8.

Дедославль. Крестьянска изба. Вечер. В просторной комнате молодёжь играет в «горелки». Образовав круг, одна из девушек выходит на середину и жалобным голосом произносит.

Славуня *(жалобно)*

– Горю, горю,
на камешке стою.
Кто любит,
тот сменит меня...

На мольбу Славуни о спасении её от любви приходит Любомир. Он подходит к девушке, берёт её за руку, целует и становится на её место. Славуня возвращается в круг.

Любомир

– Горю, горю,
на камешке стою,
кто любит,
тот сменит меня...

На спасение Любомира спешит Дубравка. Она ещё совсем юная, но боевая, и успевает откликнуться первой. Раскрасневшись от волнения, она подбегает к Любомиру, берёт его за руку и, привстав на цыпочки, громко чмокает его в щёку. При этом зачем-то невпопад, выкрикивает:

Дубравка *(радостно)*

– Я! Я!
спасу тебя...

На что все весело смеются, понимая, что с девочкой происходит. Гордая за свой поступок, она всем видом своим показывает, что уже тоже взрослая и не собирается отставать от тех кто старше её. Она тоненьким голоском зовёт своего спасителя. Как и все, она опрометчиво попала в сети любви и тоже хочет, чтобы её спасли. Любомир старше её, он ей нравится, но она стесняется и пытается не подать вида, украдкой поглядывает в его сторону, желая, чтобы именно он спас её. Но вопреки её ожиданиям, к ней подходит Светобор и повторяет всё то, что делали до него другие. Он одного с ней возраста и уже давно заглядывается на Дубравку. Та недовольно фыркает на своего спасителя, но подчиняется правилам игры и с неохотой позволяет себя поцеловать. Раздосадованная она возвращается в круг. Все замечают и смеются. Дубравка догадывается, что ей не удалось скрыть свои чувства, демонстративно высвобождает руки:

– Не буду я больше
с вами играть,
вот!

Обидчиво скривив губы, она быстро уходит в другую комнату. За ней спешит и Светобор. Остальные продолжают играть.

СЦЕНА 9.

Соседняя комната. Старшая сестра Дубравки Умила и её муж Родомысл укладывают своего ребёнка спать. Умила качает люльку и читает присказку:

– Сорока-воровка
кашу варила,
на порог скакала,
гостей созывала.
Гости на двор,
кошка на стол,
гости со двора,
кошка со стола, –
загибает ребёнку пальчики, –
этому дала, этому не дала,
этому досталось,
этому не досталось, –
щекочет ребёнка под мышками, –
гей! гей! гей!
сорока улетела...

Ребёнок смеётся, но спать не собирается. Умила и Родомысл стараются его уложить. Входит Дубравка. Она расстроена. Увидев сестру, Умила радуется её приходу и сразу обращается к ней.

Умила *(радостно)*

– Как хорошо,
что ты пришла.
Посиди с Радомиром...

Дубравка *(сердито)*

– Сама сиди...

Умила

– А чего ты такая кислая?

Дубравка *(обидчиво)*

– Ничего...

Дубравка отходит в сторону и отворачивается от сестры и Родомысла. Входит Светобор.

Светобор

– Любомир,
на неё внимания не обращает...

Умила

– Понятно,
нашла из-за чего расстраиваться...

Родомысл

– Она маленькая ещё для него,
вот и не обращает...

Дубравка *(Родомыслу)*

– А вот и не маленькая...

Родомысл

– А вот и маленькая...

Дубравка

– А вот и нет...

Родомысл

– А вот и да...

Умила

– Хватит вам пререпираться...

Дубравка

– А что он заладил,
маленькая, маленькая...

Умила

– Успокойся –
большая...

Родомысл

– Какая она большая!
У неё там,
ничего ещё не выросло...

Дубравка

– Выросло...

Родомысл

– А вот и не выросло...

Дубравка

– А вот и выросло...

Родомысл

– А вот и нет...

Дубравка

– А вот и да, –
она подымает подол платья,
показывает, –
можешь посмотреть,
выросло или нет...

Родомысл *(смеётся)*

– Ну, и выросло –
три волосинки,
смотреть нечего...

Дубравка опускает подол платья и снова отворачивается.

Умила *(мужу)*

– Не дразни её,
видишь, она какая, –
она подходит к сестре,
обнимает и жалеет её, –
не сердись, Дубравушка,
придёт и твоё время –
не один обратит внимание,
отбою не будет...
Посидишь с Радомиром, ладно?
Так хочется поиграть...

Дубравка

– Пусть он скажет,
что я большая...

Родомысл подходит к Дубравке, привлекает её к себе и гладит её по голове.

Родомысл *(примиряюще)*

– Я же пошутил, Дубравушка.
Ты не только большая,
но и красавица у нас,
только женихи поослепли.
красота твоя застит им глаза,
Вот они и не замечают...

Дубравка *(с надеждой)*

– Правда?

Родомысл

– Правда...

Дубравка *(мягко)*

– Ладно, идите...

Умила и Родомысл благодарно целуют Дубравку и уходят. Дубравка и Светобор одни.

Дубравка *(Светобору)*

– А ты что встал,
как пень,
можешь тоже идти...

Светобор

– Я без тебя не пойду...

Дубравка

– Давай иди, иди...

Светобор *(виновато)*

– Дубравка,
я...

Дубравка *(перебивает)*

– Ну, что, Дубравка?!
Что?!
Ябеда несчастный...

Светобор

– Я не ябеда,
я только...

Дубравка *(передразнивает)*

– Я только, я только...
Ябеда.
Иди давай, иди...

Дубравка подходит к люльке, начинает качать и т

хонько напевать колыбельную песенку, а сама искоса наблюдает за Светобором. Тот виновато стоит, затем нехотя направляется к выходу.

Дубравка *(строго)*

– Куда пошёл?
Я что одна должна водиться?

Светобор радостный возвращается. Подходит к люльке и тоже помогает качать.

Светобор *(загадочно)*

– Дубравка, а, Дубравка...

Дубравка

– Что тебе?

Светобор *(робко)*

– Покажи...

Дубравка *(непонимающе)*

– Что тебе показать?

Светобор *(неуверенно)*

– Ну,
что давеча показывала...

Дубравка

– Мал ещё,
подрасти сначала...

Светобор

– Дубравка,
покажи, а...

Дубравка

– Вот привязался,
как банный лист...

Светобор

– Ну, хоть немножко,
капельку...

Дубравка *(деловито)*

– Ну, что ты,
на самом деле,
как маленький, ей-богу...

Светобор

– Дубрава-а,
ну...

Дубравка

– Ой, да на, на –
смотри,
жалко что ли,
отстань только...

Она поднимает подол. Светобор смотрит.

Дубравка

– Смотри не ослепни,
отвечай потом за тебя...

Светобор

– Дубравка,
можно я поцелую?

Дубравка опускает подол платья и легонько отталкивает голову Светобора, пытавшегося приблизиться к ней.

Дубравка

– Ишь, чего захотел,
дай поцеловать ему...
Когда выйду за тебя замуж,
тогда и целуй сколько влезет...

Светобор *(с надеждой)*

– А ты выйдешь?

Дубравка

– Ещё чего,
быстрый какой,
качай давай...

Светобор качает люльку. Дубравка читает присказку:

– Сорока-воровка,
кашу варила,
одному дала, второму дала,
а третьему не дала,
улетела сорока...
Улю-лю-лю-ю,
улетела сорока,
улю-лю-лю-ю...

СЦЕНА 10.

Суздаль. Царская опочивальня. Есфирь и князь Всеволод одни.

Всеволод

– Царица Есфирь,
хороша ты станом,
и пригожа лицом,
полюбил я тебя более всех девиц,
благорасположение и желание,
приобрела ты в сердце моем.

Князь пытается обнять и увлечь Есфирь на ложе.

Есфирь *(останавливает князя)*

– Не время, князь, не гоже,
при свете дня супругам быть на ложе –
великий это грех.
Законы народа моего,
отличны от законов твоего.
При солнце и при свете,
да не познает муж жены,
в ответе,
за этот грех,
предстанет он пред Богом,
на том свете.
Муж должен познавать своей жены,
при свете не солнца,
а луны.
А коли любишь, князь, меня,
наград не этих
жду я от тебя...

Всеволод

– Что тебе, царица Есфирь,
и какая просьба твоя?
Даже до полуцарства будет дано
тебе...

Есфирь

– Если царю благоугодно,
и если я нашла благоволенье в очах его,
то пусть будет написан,
закон народа моего,
а свой закон, князь, отмени –
не вечно ж прибывать в грехе Руси...

Всеволод

– Я не знал,
что Любовь – есть грех,
у нас Любить – закон для всех...

Есфирь

Вот и хорошо –
люби,
но время ей лишь измени.
И ещё,
любить землю грешно,
богов почитая её,
будто она живая.
Бог дал человеку её для того,
чтобы он вещи мог делать себе из неё
и торговать ими...
Русский народ погряз в многобожии,
роднится с землею,
матушкой называет её.
Его нужно от неё отдалить,
природы повергнув богов...

Всеволод

– Это не так...
Русские знают Творца одного,
и богов почитают природы –
как аспекты Его.
Для русских,
Бог – Вездесущ!
Он существует везде,
Он и на небе,
и Он на земле.

Есфирь

– Не по нашей это вере...

Всеволод

– Не по вашей?!
А в чем ваша вера?

Есфирь

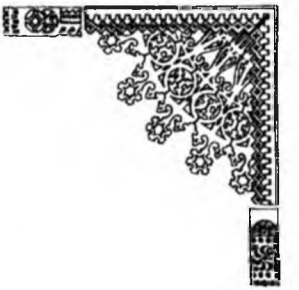
– В том,
что мы избранные!
Бог избрал нас народом своим,
он отдал нам в собственность нашу,
всех тварей земных,
и что в водах во всех и морских обитают,
и птиц поднебесных,
в том числе и людей,
чтобы мы всем этим наслаждаясь, владели...

Всеволод

– И этому всему вы верите?!

Есфирь

– И в этом вся наша вера...



Всеволод

– Ужас!

Есфирь

– А в чём вера русских,
и назначенье в чём?

Всеволод

– Русские верят,
что Бог для Любви,
людей всех родил,
назначение наше –
все народы земли меж собой примирить,
и законам любви всех людей обучить...

Есфирь

– А наше –
всех себе подчинить!
Так Мордухай сказал...

Всеволод

– Ужас!

Есфирь

– Бога нет на земле,
он только на небе.
Природа мертва,
она им сотворена...

Всеволод

– Природа жива,
Им она рождена...

Есфирь

– Как и Бог –
природа двоична...

Всеволод

– Как и Бог –
природа троична...

Есфирь *(раздражённо)*

– Если я, князь, тебе дорога,
повергни русских богов навсегда!
Выбирай, князь, –
русские боги иль я?!

Всеволод

– Хорошо,
пусть будет по воле твоей, –
пишет.
– Вот, я написал.
Какое желание твоё, царица Есфирь,
оно будет удовлетворено,
и какая просьба твоя?
Хотя бы до полуцарства,
она будет исполнена...

Есфирь

– Если царю благоугодно
и если я нашла благоволение перед лицом его
и справедливое дело в сердце царя,
и нравлюсь очам его,
то пусть он поставит смотрителем,
в доме царя,
и хранителем печать царской –
Мордухая,
что у дверей твоих сидит.
Я была вместо дочери ему,
после переселения родителей моих,
взятых в город Суздаль,
отцом твоим,
где отец мой и мать моя умерли...

Всеволод

– Хорошо.
Какое желание твоё, царица Есфирь,
оно будет удовлетворено,
и какая просьба твоя?
Хоть бы до полуцарства,
она будет исполнена...

Есфирь

– Если я нашла благоволение в очах твоих,
царь,
и если царю благоугодно,
то пусть будет написан указ,
от имени царя:
заменить дары от талантов своих,
и от дел рук своих,
жертвами – от грехов,
пусть приносят все их в русских храмах,
и наделить всех правами,
и дать свободу от обязанностей...

Всеволод

– Хорошо.
Напишите и вы,
что вам угодно от имени царя,
и скрепите царской печатью.
Ибо, что написано от имени царя,
и скреплено царской печатью,
нельзя изменить.
Что тебе ещё, царица Есфирь,
и какая просьба твоя?
Даже до полуцарства будет дано тебе...

Есфирь

– Если царю благоугодно,
пусть придёт царь,

сегодня вечером на пир,
который я приготовила ему,
и придут друзья, бояре и подданные его,
и все, кто пожелает.
И пусть будет указ от имени царя:
не подавать на пирах, собраниях и в домах –
хлеба, соли и воды,
прежде, нежели подадут,
в изобилии вина и снеди.
И увидишь, царь,
все ли придут,
и как исполняется указ твой,
и кто тебе друг...

Всеволод зовёт придворного. Тот входит. Князь вели
написать указ от имени царя и разослать во все предел
царства его.

СЦЕНА 11.

Суздаль. Дом Зосимы Чёрного. Схария, Мойша, Зосим и компания Курицына сидят за столом, ведут задушевные разговоры.

Игнатка *(Мойше откровенно)*

– Вот, к примеру,
я желаю жить не хуже других,
а трудиться охоты нету –
руки, стало быть, не оттуда выросли...
Податься в разбойнички –
самому головы не сносить,
красть – рук лишишься,
а богатства жуть как охота,
как быть?

Мойша

– С головой,
оно и в разбойничках,
и в воровайках,
как в раю жить можно –
и всё по закону будет...

Игнатка *(удивлённо)*

– Как это по закону?!

Гридня, Ивашка *(вместе)*

– Да, как?!

Авдей

– Чудо-чудное! Диво-дивное!
Видом-невиданное!
Слыхом-неслыханное! –

Воровать и по закону...
Такого на Руси ещё не бывало!
Такого Русь ещё не слыхала!

Курицын

– Шутка, наверно...
Все законы уже открыты,
более нет никаких законов...

Мойша

– А зачем их открывать –
их надо написать...

Наступает изумлённая тишина.

Игнатка *(робко нарушает молчание)*

– Что, прямо так и написать –
мол, разрешается грабить и воровать?
А коль дознаются –
могут и по шапке дать...

Схария

– Смотря как написать,
а то могут и пред тобой шапку снять...

Наступает задумчивая тишина.

Игнатка *(робко нарушает молчание)*

– А кто ж нам право такое даст –
законы писать такие,
ась?

Мойша *(поучительно)*

– А вы в руки свои права-то возьмите,
да закон рукою своею-то и напишите.
А кем закон пишется –
с того уж не взыщется...

Игнатка *(неуверенно)*

– Не совсем понятное получается...

Захария *(убедительно)*

– Все как надо получается!
Права чьи? Твои!
Закон чей? Твой!
Вот и получается –
ты будешь воровать,
а закон твой,
тебя же будет и защищать...

Авдей

– Чудо-чудное! Диво-дивное!
Красть – и не пропасть...

Игнатка *(восхищённо)*

– Ну, голова! Ну, зараза! –
обнимает Мойшу.
– Вот люб ты мне и всё!
Не знаю почему,
но люб, и всё тут!

Игнатка смеётся. Смеются все.

Курицын *(откровенно Мойше)*

– А у меня,
нет пущей страсти,
как прийти к власти!

Мойша

– Не будь дураком –
стань ростовщиком...
И не надо к ней будет идти,
она сама к тебе может прийти...

Авдей

– Чудо-чудное! Диво-дивное!
Грабить –
и с властью ладить...

Гридя, Ивашка *(наперебой)*

– А мне бы, а мне бы,
чуть-чуть –
к славе прильнуть!

Мойша

– Пойте,
чужие непонятны песни –
утоните в почёте и лести...

Авдей

– Чудо-чудное! Диво-дивное!
Чужим языком петь,
и славу иметь...
Такого на Руси ещё не бывало!
Такого Русь ещё не слыхала!

Все смеются, шутят и веселятся.

СЦЕНА 12.

Дедославль. Крестьянская изба. Дубравка одна в своей комнате, вышивает рушник. Она серьёзная и очень увлечена своим занятием. Входит Светобор.

Светобор

– Здравствуй, Дубравка...

Дубравка нарочно оставляет без ответа слова Светобора. Любуясь своей вышивкой, с гордостью показывает её Светобору.

Дубравка

– Ну, как? Нравится?

Светобор *(восхищённо)*

– Красота какая!
Особенно красиво изображёно небо,
а птиц-то сколько много на них разных!
И земной мир тоже хорош,
богат многообразием своим.
А водный-то! Водный!
Вот эти две рыбки,
что плывут друг другу навстречу,
они не похожи на остальных,
я узнал их!

Дубравка *(с интересом)*

– Ну, и кто они?
Кого ты узнал в них?

Светобор *(показывает)*

– Это ты, а это я...

Дубравка

– Ну, уж...

Светобор

– Да...
Вот у этой
как у тебя полные губки,
поплавочки, гребешки – рыженькие,
как твои волосы.
Вылитая ты, рыбка моя златокудрая, –
Светобор обнимает её за плечи
и целует её голову.

Дубравка *(отводит плечи)*

– Ну, а дальше...

Светобор

– Хвостик кругленький,
как твоя попка...

Дубравка *(смеётся)*

– Ну, хватит,
начал...

Светобор

– А вот эта,
беленькая рыбка,
это я...

Дубравка

– Нет,
ты про ту расскажи...

Светобор

– Видишь, у этой,
губки чуть вперёд выставлены?

Это она их для поцелуя
подставила,
хочет, чтобы её поцеловали...

Дубравка

– Почему знаешь,
что она хочет,
чтобы её поцеловали?

Светобор

– А она,
глазки немного прикрыла,
а у этой открытые.
А когда целуются,
всегда закрывают глаза...

Дубравка

– Ух ты какой,
навоображал мне тут...

Светобор

– А что,
скажешь нет?
Когда я тебя целую,
ты всегда закрываешь глаза...

Дубравка

– Нет,
не закрываю...

Светобор

– Нет, закрываешь...

Дубравка

– А вот и нет...

Светобор

– А вот мы сейчас посмотрим,
закрываешь или нет...

Он обнимает Дубравку и пытается поцеловать её, та закрывает ладонями лицо и пищит. Светобор добивается своего и они целуются.

Светобор

– Вот видишь –
закрыла...

Дубравка

– Я ни при чём,
они сами закрываются...

Светобор

– Ах, сами,
ах, ни при чём...

Он снова хочет её поцеловать, но та отбивается от его рук.

Дубравка *(уступчиво)*

– Ну, хорошо, хорошо.
Я сама закрываю,
сама,
перестань только, –
Светобор перестает.
Она серьёзно:
– Как ты думаешь –
достойный дар,
Богу Световиду я приготовила,
на праздник плодов?

Светобор

– Да,
Дубравушка,
только тут ещё кое-кого не хватает...

Дубравка

– Кого?

Светобор

– Рядышком,
несколько маленьких рыбочек,
будущих детишек их, –
показывает, –
вот здесь и здесь...

Дубравка *(хмыкает)*

– Рано ещё,
им об этом думать...

Светобор

– Дубравушка,
подрисуй ещё,
малюсеньких, малюсеньких.
Двух рыженьких,
и двух беленьких,
что тебе стоит,
ради меня,
с ними же ещё лучше будет...

Дубравка

– Ла-адно...

Она улыбается, берётся за вышивку и начинает вышивать, изредка поглядывая в его сторону. Светобор наблюдает.

Светобор *(прямодушно)*

– Я не видел,
чтобы кто-то из девушек,
так вышивал...

Дубравка *(недовольно)*

– Мог бы и не говорить,
про своих девушек...

Светобор *(непонимающе)*

– Про каких своих?

Дубравка

– Не знаю,
про каких...

Светобор

– Ну, а если правда,
лучше тебя никто не вышивает...

Дубравка

– Всё равно мог бы и не говорить.

Дубравка обидчиво надувает губки. Вдруг она нечаянно накалывает иголкой пальчик и вскрикивает.

Дубравка

– Ой! –
она трясёт пальчиком,
и дует на него.
– Из-за тебя всё...

Световор

– Дубравушка,
покажи где...

Та не даёт, но затем уступает. Светобор берёт её руку и смотрит на уколотый пальчик.

Светобор

– Ну-ка, ну-ка,
где наша вава?
Вот она. –
Он дует ей на пальчик,
затем целует.

Дубравка *(высвобождает руку)*

– Ишь, хитренький какой,
добрался...

Светобор

– Дубравка,
пойдём на улицу,
там в Яшу играют...

Дубравка

– Дошить надо.
А ты что для Бога приготовил?

Светобор

– Я стихотворение сочинил...

Дубравка

– Расскажи...

Светобор *(смущённо)*

– Я...

Дубравка

– Не хочешь, не говори,
больно надо.

Я тебе тоже,
ничего больше не покажу...

Светобор

– Дубравушка,
я не закончил ещё,
чуть-чуть осталось.
Как закончу,
обязательно расскажу.
Пойдём на улицу...

Дубравка молча вышивает. Иногда поглядывает на Светобора. Наконец, она заканчивает и любуется вышивкой.

Дубравка

– Ну, вот и всё.
Рад будет Световид...

Она аккуратно складывает рушник, идёт к сундуку, кладёт его туда. Поворачивается к Светобору и озорно показывает ему язык.

Дубравка *(дразнится)*

– Ме-ее-е,
обманули дурака
на четыре кулака,
ме-ее-е,
не догонишь, не догонишь,
ме-ее-е.

Она смеётся и убегает. Светобор спешит за ней.

Светобор

– Ах, так,
ну, погоди у меня...

СЦЕНА 13.

Лужок. Рядом речка. Молодёжь играет в «Яшу». Светобор голит. Он сидит на траве, вокруг него девушки ведут хоровод и говорят:

– Сиди, сиди, Яша, в розовом кусте,
грызи, грызи, Яша, ореховые зерна.
Лови себе, Яша, кого тебе надо,
лови девку за русу косу, за алу ленту.

С последними словами девушки разбегаются. Светобор-Яша пускается вдогонку за приглянувшейся ему девушкой. Он догоняет Дубравку, берёт её на руки и несёт к реке «топить».

Дубравка *(жалобно)*

– Пожалей меня, Яша, не топи,
я откуп тебе дам...

Светобор

– Какой?

Дубравка

– Хочешь ленту с косы?

Светобор

– Не хочу...

Дубравка

– А платок вышитый?

Светобор

– Кроме поцелуя
ничего не возьму...

Дубравка *(игриво)*

– А коль не поцелую,
что станешь делать?
Неужто и взаправду бросишь меня в воду?

Светобор

– Брошу,
видит Бог, брошу...

Дубравка

– Ну, и бросай,
подумаешь –
испугал...

Светобор

– И брошу,
не побоюсь...

Дубравка *(строго)*

– Попробуй только брось,
я тебе так брошу –
не захочешь больше бросать...

Светобор

– А ты целуй –
не вытяпывайся...

Дубравка *(игриво)*

– А может, я не хочу,
настроения, может, у меня нету...

Светобор подносит Дубравку к речке. Останавливается.

Светобор

– У тебя всегда его нету,
целуй!

Дубравка *(с притворством)*

– Ух, как страшно...

Она целует Светобора. Тот нехотя отпускает её.

Дубравка *(возмущённо)*

– Ты куда меня поставил?!
Ослеп?!
Ты в воду меня поставил!

Светобор, желая исправить свою ошибку, пытается снова взять Дубравку на руки и перенести на сухое место. Та сопротивляется.

Дубравка

– Не хватай меня!
И не лезь ко мне под подол!

Светобор

– Я не хватаю тебя,
и не лезу под твой подол...

Дубравка

– Нет лезешь!
И не смотри на мои ноги!

Светобор

– Не смотрю я на твои ноги,
больно надо...

Дубравка

– Нет, смотришь!

Ты всегда на них смотришь...

Светобор

– Я даже и не думал об этом...

Дубравка

– Нет, думал!
Ты всегда только об этом и думаешь...

Она отбивается от его рук, поправляет подол платья и, хохотнув, мелькая босыми пятками, бежит к играющим. Светобор спешит за ней.

СЦЕНА 14.

Дедославль. Храм Световида.

Мерцана ещё покоилась в объятьях царя вод, часы стерегли вход и выход из солнцева дому, и присноюный Световид на золотом ложе покоился в объятьях Триглы, а Первосвященник Световидов Боговед со жрецами уже ожидали, когда придёт время и царь вод выпустит из своих объятий Мерцану и Она спустится на землю.

Светобор и Дубравка неторопливо поднимаются на освещённый холм, где возносится храм Световида. Врата храма не могут быть открыты, пока первые лучи солнца не ударят в лицо Бога и тогда глас трубный возвестит присутствие Его. Когда же последний луч солнца сойдёт с лица Световидова, гласы рога и бубна возвестят о Его отсутствии.

Желая осмотреть храм, Дубравка и Светобор не спеша пошли вокруг него. Они были удивлены его огромным и величественным видом. Двенадцать яшмовых столбов кринфинского чина поддерживали навес кровли. Оглавия их были из позолоченной меди. Триста шестьдесят окон и двенадцать врат заключались медными затворами. При каждых дверях стояли два жреца с трубами. На медных вратах изображались двенадцать подвигов Световида: как для пользы нагих людей Он произвёл овна, который в тоже мгновение устремился к ним и предложил им свою волну; как, усмерив вола неукротимого, дал им его во служение, изобрёл для них плуг и все земледельческие орудия; как сражается и побеждает Чёрного бога, похитившего чад его – близнецов Даждьбога и Зимцерлу. На четвёртых вратах видно морское чудо, чадо Чёрнобога, как оно, обратившись в великого рака, хочет похитить солнце, но опалённое жгучими лучами, падает и сильным ударом своего хребта разбрызгивает как

каплю текущий Волхов и, сделав в земле отверстие, производит море Русское.

Здесь ужасный лев, с медным хвостом и алмазными зубами похищает у Велеса скот, а Световид разит его ударом золотого самосека и берёт хвост его и зубы, и помещает его на небе, где и доныне видны они и называемы львом.

Тут изображена любовь Его с прекрасной Триглавою и терзание Чёрного бога, влюблённого в Неё. Световид, играя на гуслях, поёт ей нежные стихи, она его венчает васильковым венком, а вокруг их пляшут Зимцерла, Лада, Сева и Мерцана. Румянощёкая Дидилия с распущенными золотистыми волосами, в алой легкой ризе, подносит им в алмазной чаше золотой небесный мёд, питиё богов. Леля, сидя подле гуслей, слушает и загадочно улыбается. Дидо, взвившись в воздух, пускает тяжёлые стрелы в Чернобога. Белбог, носяся над ними на облаке, приятно усмехается.

Там Перун держит великие весы, ниспущенные им с неба для решения жестокой распри между Чёрнобогом и Белбогом и их чадами, когда начиналась между ними жестокая брань, готовая разрушить мир, то великий Перун, желая примирить их, послал к ним молнию свою, дабы возвестить волю его. Тогда род Белбога воссел на одну чашу весов, а род Чёрнобога в другую. Перун поднял весы, и чаша с Чёрнобогом вознеслась выше тёмных облаков, но чаша с чадами Белбога осталась на земле.

В другом месте видно было, как Световид поразил великого скорпиона, когда тот похитил его дочь Зимцерлу, оплакиваемую Даждьбогом. Но Световид возвратил Даждьбогу его сестру и супругу.

На десятых вратах изображён бог света, льющий с гор из золотых водоносов обильную воду, от которой приемлют реки: Волга, Днепр, Двина, Дон и славное озеро Ильмень. Он населяет их рыбами, пуская каждого рода по двойне. Завидуя ему, морской царь, послал кита пожрать их, но Светлый бог поразил его изобретенною острогою и, вынув, положил

на том месте, где стоит храм Световидов. Холм составился из китового праха. Таковы были изображения на дверях.

Храм сооружён был из светлосерого дикого камня. Кровля, полушаром, состояла из позолоченной меди. Посреди её стоял медный позолоченный истукан Световида, по краям на четыре стороны поставлены были четыре истукана, высеченные из мрамора. На востоке истукан Мерцаны, богини, властвующей над началом дня и предшествующей всегда солнцу, дочери Даждьбога и Зимцерлы, богини весны, супруги царя Морского. Её должность была открывать Световиду врата небесного дому его, когда Он показывался в мире. Световид для отличия даровал ей венец из единой звезды, и риза её златобагряна. Радость всегда блистала на румяных её ланитах, и она в пирах подносила богам мёд. Мерцана, как и Световид, присноюна.

На юг поставлен был истукан Купалы, сына Мерцаны и Севы. Он имел вид молодого человека в короткой легкой одежде. Огонь плодотворения пылал в его очах, чего только касался, всё рождало. Он имел обиталище на юге. Жертвовали ему возжением прутьев с песнями и плясками, изображая огонь плодотворения и весёлость. В ногах у него кролик, в руке пламенный огонь, на голове венок из цветов, именуемые по его имени купальницами. Погода, брат его, есть из всех богов любезнейший, кротчайший и прекраснейший.

Истукан Погодин стоял на западе. У него развиваются по плечам волосы, венок из шипов, за плечами голубые крылья и риза на нём тонкая голубая. Улыбка всегда на румяном его лице. Он столь всеми любим, что смело целует саму Ладу, в руках у него опахало.

Истукан свирепого Позвизда стоял на севере. Лицо его в морщинах и сердито. Голова окутана лоскутом кожи белого медведя, борода замёрзлая, одежда из оленей кожи, ноги обуты в кожу гагачью. В руках держал он мех, в готовности развязать для излияния морозов, бурь, снегов, дождей

и непогоды. Таковы были четыре истукана, стоявшие на кровле храма.

Между тем, как Дубравка и Светобор рассматривали храм, подошёл народ. Как только первые лучи солнца пали на лик Световида, раздался глас труб от двенадцати врат, и врата тут же открылись.

Великий первосвященник Боговед вступил во врата западные, одному ему предназначенные для входа. Народ же в храм вошёл через врата восточные. Божественный трепет объял души Дубравки и Светобора, когда они увидели лицо Световида, сияющее словно медь в горниле. Великий первосвященник по обыкновению одетый в четыре тонких хитона, один другого длиннее: в багряный, зеленый, желтый и белый, в опоясонии на коем искусно вышиты двенадцать подвигов Световида. В златом венце, украшенном семью драгоценными камнями. В руке держал он златую чашу, исполненную чистейшего винного духа. Двенадцать окружающих его жрецов держали великую серебряную лохань, у которой были три разные ноги: одна наподобие орла, другая наподобие вола, и третья – кита. Прочие жрецы составляли семь поющих ликов и двенадцать ликов в трубы и роги трубящих и бьющих в бубны, и четыре лика на струнах и гуслях играющие. Тогда великий первосвященник подошёл к престолу, встал на колени и, вознеси золотую чашу, стал читать молитву.

– Ты, Который снабдил в сей год нас дарами:
снабди нас и в будущем!
Слава Тебе!
Все жрецы тотчас возгласили трижды.
– Слава! Слава! Слава!

Боговед прикоснулся чашею к рогу, находящемуся в руке Световида, дух винный воспылал, и потряслись своды от гласа труб, рогов, звука бубнов, звона струн гуслей и от гласов певцов, восклицавших: «Слава! Слава! Слава!».

Между тем Боговед излил пылающую чашу в серебряную лохань и взвилось пред Богом лазуревое пламя жертвы бо-

гоугодной. И тогда семь ликов, идя кругом один за другим, предводимые песнопевцем, воспели:

Первый лик

– Ясен месяц во полуночи,
звёзды ярко блестят ночью,
месяц серебрит воды тёмные,
звёзды златят небо синее,
только греет одно солнце ясное.

Второй лик

– Грсет оно и питает нас,
Позвизд его устрашается.
Взглянет – Зимцерла бежит от глаз,
и Зимцерла к нам спускается,
как благдательно оно!

Третий лик

– При востоке его видно радостно:
когда на обзоре появляется,
Дверь златая тогда открывается,
Великих чертогов его.
Он из терема идет высокого,
из высокого, из небесного,
как могучий витязь с победою.
Световид! Мы тебе поклоняется!

Четвертый лик

– Как здесь вся тварь весела,
встретив Отца и Царя!
Главы подъемлют дерева,
освежились цветок и трава,
птички порхают, поют,
славу и честь воздают,
имя Твое вознося!

Пятый лик

– От радости трепещут,
поля стеклистых вод,
льды светлы искры мечут,
узря Его приход.
Ему лес поклоняется,
сырбор к земле приклоняется,
листьев ветр не шевелит,
и дубрава не шумит,
рек пороги лишь гласят:
«Велик, велик Световид!»

Шестой лик

– Боги велики, но страшен Перун!
Ужас наводит тяжёлая стопа,
как он в предшествии страшной грозы,
мраком одеян, вихрьми повит,
грозные тучи ведёт за собою.
Ступит на облаке – огонь из-под стоп,
ризой махнёт – побагровеет твердь,
взглянет на землю – трепещет земля,
взглянет на море – пеной кипит,
клонятся горы былинкой пред ним.
Страшный свой гнев Ты от нас отврати!
Бросив горсть града во тысячу мер,
только ступит, уж за тысячу верст,
лишь от пяты его облак зардел,
сильна стопа звук глухой издала,
Он землю и море потряс!
Тихий, любезный Световид, возвратися!
Нам помоги и нас Ты утешь!
Мило как он улыбается нам,
шествуя в бедствах утешить людей.

Седьмой лик

– Почитаемы небожители,
за их доблести и могущества,
но всех доблестней и превосходнее,
добродетель с милостью, с кротостью,
в милосердии всемогущество,
всемогущество Световидово.
Царю звёзд, Тебе покланяемся,
пред Тобою мы повергаемся!

Хор

– Только греет одно солнце ясное,
как благодательно к нам оно!
Световид! Мы Тебе поклоняемся,
имя Твоё вознося.
Коль велик, велик Световид,
шевствуя в бедствах утешить людей!
Царю звёзд Тебе поклоняемся,
пред Тобой мы преклоняемся!

Потом двенадцать ликов, играющих на трубах, рогах и бубнах, окружили внутренность храма, воспевая в честь Световида торжественные песни.

По окончании громкого трубоглашения вошли четыре младые девы: у каждой в руках по кашнице. Одна была в багряном платье, имея через плечо голубое перепоясание, голова убрана лиственными шипками. Другая в зелёном, имея перевязь красную, на голове венок из миртов, третья в златоцветном, имея венок из класов и багровую перевязь. Четвёртая в белом платье, в серебряной диадеме, перевязь золотая. Первая, став на колена и вынув из кошницы цветы, рассыпала их перед Световидом. Другая предложила разные плоды. Третья класы и виноград. Четвёртая златой венец. Вскоре началось струнное играние и пение началось, каждый лик сперва играл особенно и каждая дева перед Световидом плясала. Потом все четыре лика, соединяясь, играли песни, и четыре девы плясали.

Когда ликонствующие певцы, игрители, трубогласители играли, пели, трубогласили, лицо Световида становилось светлее. Но когда полуденные лучи солнца озарили Световидов Лик, пение и играние прекратилось, и Боговед возвестил о подношении жертв от народа.

Возликовал народ. Поочердно подходя к подножию Световида, каждый возвращал плоды от таланта своего, дарованного Всеблагим Богом. Совсем младые несли букеты, венки из цветов и класов, постарше искусно вышитые ткани, прядения, вязания всякие, а кто и резьбы, фигуры из дерева, глины, изображающие мир богов, людей, зверей, птиц и рыб. Каждый по роду занятий нёс часть от труда своего: хлебороб – зерно или колосья, садовод – плоды, ремесленник – изделия разные. А кто одарён был голосом, сочинительством или плясанием – пел, рассказывал или плясал.

Затрепетали от волнения юные сердца Дубравки и Светобора, когда настал их черёд. Вышла Дубравка на середину с пылающим на лице румянцем, поклонилась, как водится, на четыре стороны, развернула своё рукоделие, показывая его Богу и народу, положила пред престолом Световидовым и, гордо кинув за плечо золотую косичку в алой ленте, бойко отстучала несколько плясовых колен.

– Прекрасна ты,
моя богиня,
Световид улыбался тебе...

Зашептал Светобор на ухо вернувшейся к нему Дубравки и, быстро чмокнув её в горячую щёку, сам вышел к престолу со своими стихами, посвящённые Световиду:

– В адамате Он блистает,
в яхонте же Он зарит,
Он в холодном льде пылает,
В темном облаке гремит.
Гордые главы сибирских,
возносит кедры к облакам,

в травах обитает низких,
красоту даёт цветам.
Крепость, бодрость в льва влагает,
в тигра же стремленье, жар,
Всё роднит, растит, питает,
и всему собой сам дар.
Он душа природы всей,
Он начало всех вещей.

Ещё не стихли одобрительные рукоплескания, а Светобор уже перешептывался с Дубравкой.

Дубравка

– Ты лучший,
и тебе улыбался Световид...

И в тот же миг Светобор ощутил на своем лице благодарный поцелуй своей подружки.

Прославление Световида и подношение Ему плодов продолжалось, пока солнце не озарило западный Его Лик. Тогда трубный глас возвестил о конце праздника и о затворении врат Богова Храма.

СЦЕНА 15.

Суздаль, городская площадь полна народа. Народ волнуется, бурно обсуждает перемены на Руси.

Курицын *(на середине круга)*

– Братцы!
Слабода пришла на Русь!

Авдей *(из толпы)*

– Слабода! Слабода!

Один *(Курицыну)*

– Что это такое?
Русским языком говори...

Курицын

– Ну, воля по-нашему –
воля!
Это тама, за́ морем так говорят –
слабода!
Вот что я мекаю, други,
ежели за́ морем есть слабода,
то и у нас она должна быть!

Второй

– Ну, а нам-то зачем их слабода?
Что с ней делать-то? У нас воля есть...

Курицын

– В том-то вся и заковыка, други,
что со слабодой –
делай что хошь,
а с волей –

ничего нельзя поделать,
а со слабодой – можно всё...

Гридя *(из толпы)*

– Правильно!
Слабода нужна,
чтоб как у них было!

Третий

– А что,
она их медом кормит?

Гридя

– Медом аль нет, не ведаю,
но говорят,
они хорошо живут с ней тама...

Четвертый

– А ты что плохо живёшь?

Гридя

– Плохо!

Пятый

– Оно и видно,
харю вон нажрал какую...

Гридя

– А ты не трожь мою харю,
на свою посмотри...

Поднимается спор, шум.

Курицын *(успокаивает)*

– Тихо, братцы! Тихо!
Не будем зря спорить...

Указ от князя есть,
тама всё прописано...

Один

– Какой указ?
Покажи что за указ!

Курицын достает из-за пазухи свиток, разворачивает, начинает читать:

– С сего дня,
воля отменяется,
слабода принимается...
А также отменяются все сословия,
принимается равенство всех...

Многие *(негодующе)*

– Как это отменяется?!
Что за равенство?!

Курицын

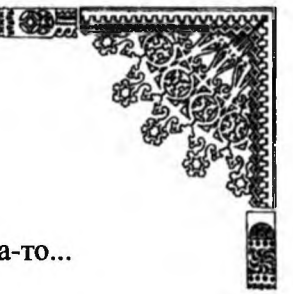
– Это значит,
отныне нет ни бояр, ни купцов,
ни служивых, ни жрецов –
все равны,
теперь мы все с вами братаны...
Труд и обязанности отменяются,
заместо их –
правами каждый наделяется...

Многие *(негодующе)*

– Как это – отменяется?!

Один

– Не гоже этого делать…



Второй

– Правильно!
Худое это дело!

Третий

– Совсем пропадём без труда-то...

Поднимается спор, шум.

Один

– Да на что мне права,
коли нету труда?!

Игнатка

– Как на что?
Что хочешь, то и делаешь.
Хочешь работаешь, хочешь нет.
Куда хочешь идёшь,
чего хочешь берёшь,
а хочешь, про слободу песни поёшь,
твоё право – выбирай...

Курицын *(продолжает)*

– А также,
излишки у богатых изымаются,
и по-братски все разделяются...

Авдей *(из толпы)*

– Правильно!
Давно пора,
надоело кормить брюхана...

Игнатка, Гридя, Ивашка *(к толпе)*

– Айда, братва,
в амбар брюхана!

Один голос

– Айда! Айда!

Второй голос

– Рушь!
Круши всё, братва,
Коль слабода всем нам дана!

Возбуждённая толпа с площади устремляется в дома и амбары богатых зажиточных людей. Идёт погром.

СЦЕНА 16.

Суздаль. Дом Димитрия. Димитрий и Курицын одни.

Димитрий

– Тебя я вот зачем призвал,
внимательно меня послушай,
ни слова, даже звука,
из уст моих не пропусти.
Бери коней с конюшен царских,
хоть диких из степей татарских,
сегодня волен выбрать ты.
Но дня за два, возможно, три,
они домчать тебя должны,
до беловедья – рек сибирских.
Отыщешь там Варвару,
и с нею вмиг назад скачи.
Сподручников себе найди,
приятелей отважных,
нужны они,
для государевых дел важных.
Исполнишь всё, и как велю –
по-царски всех вознагражу...

Курицын

– Понял,
но по каким приметам
в лесах чужих её найду?

Димитрий

– Примета есть,
и ни одна,
варила б только голова...

Средь вод и рощ она гуляет,
богам тех мест стихи слагает,
с природой матерью дружна,
красой небесной обладает,
как философ она умна.
Её любой, взглянув, узнает;
на небе утреннем сияет
и вечером всегда видна –
Мерцаны светлая звезда…

Курицын

– Панял,
короче, баба,
а ни иголка,
и ни сена стог...

Димитрий *(строго)*

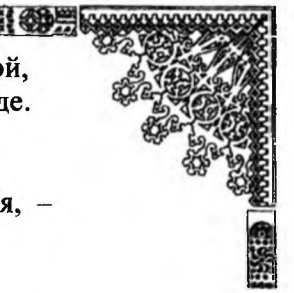
– Ну, ну...
Говори, да не заговаривайся. –
Тихо:
– Вот сволочь...

Курицын

– А что?
Исполнить рад,
и даже в срок, –
хихикает, –
любой мужик, по части бабий,
у нас любитель и знаток.
А за царёву ласку,
хоть все мы головы складём.
А что касаемо награды –
спокоен будь – не подведём...

Димитрий *(пишет)*

– Вот грамота тебе,



скреплена печатью царской,
найдёшь дорогу с ней везде.
Теперь ступай,
в Сибирь спеши,
назад один не возвращайся, –
предупреждающе, –
а коли что,
уж не взыщи –
отведаешь ты ласки царской...
В острог свезёшь её мой тайный,
и пуще глаз её храни,
в высокой башенки хрустальной.
Всё понял?

Курицын

– Панял...

Димитрий

– Хорошо понял?

Курицын

– Куда уж лучше...

Димитрий

– То-то...
Теперь иди, –
тихо, –
любитель баб и ласки царской...

Димитрий подаёт Курицыну грамоту, тот берёт её и уходит. Димитрий один.

Димитрий *(грустно)*

– Господи!
Ты видишь, кем себя я окружил,
с последней сволочью завёл я дружбу,

нет даже слов...
Ну, что ж, винить мне некого,
того сам, видно, заслужил.
Обратного пути мне нет,
его я выбрал сам.
Воспользовался Твоим из высших я законов,
который ты зачем-то людям дал.
Намеренно иль по ошибке,
а может быть, забавы для,
и дёргаешь теперь как кукол их за нитки.
Поэтому, какой же спрос тогда,
с привязанного к ним раба,
достойного презренной лишь улыбки?
А коли Ты и впрямь свободу выбора мне дал,
тогда я ею и оправдан.
Вопрос встаёт забавный –
ни сам ли я себе судья?
Коварный выбор выпал мне,
между дружбой и любовью...
Я с удовольствием посмотрел бы на того,
кто б дружбу взял себе,
а любовь отдал бы другу...
Об этом ли мой ум мечтал,
когда как с братом князем
в палатах детских с ним играл?
Сейчас он враг мой и соперник.
Но об этом он не знает.
Надменный князь всё потерял,
всего лишился,
не знал, что так произойдёт,
ещё вчера ты всем гордился,
сегодня ж всё наоборот.
Узнав, он точно б удивился,
кто ложе, трон его займёт.
Что это – рок, стремленье к славе,
подвигнули на этот путь меня,

а может быть, любовь к Варваре,
к постели друга привила?
Не скрою,
я жаждал славы,
богатства, власти я искал,
но лишь за взгляд один Варвары,
ему я их бы вновь отдал...
Вот если бы назад вернуться,
и выбери она меня,
ей стоило б мне улыбнуться –
не предал б дружбы я тогда.
Но жребий брошен, сделан выбор,
чего терять мне – жалкий трон?
Когда-то был он мне кумиром,
сейчас любовью сброшен он.
За поцелуй, за вздох Варвары,
к её б ногам я бросил всё,
но сердце гложет униженье,
и рана глубока его.
Какой ценой, какою кровью,
позор свой горький ей прощу?
Ценой одной обиду смою,
когда любовь её куплю!
Теперь правитель я!
Хоть тайный, незаконный,
ну, что ж с того?
Зато,
лишь это сможет,
любовь купить мне у неё. –
С упрёком и обидой:
– Почему-то простого ловчего она не выбрала,
даже не посмотрела на него.
Им подавай всё князей да бояр,
проклятое племя...
Только для вас,
мы добываем –

славу, богатства и власть.
Лишь с ними вы любите нас...
Ну, что ж, милая девица,
они у меня теперь есть,
посмотрим,
как ты будешь теперь веселиться,
и как будешь себя ты вести,
при встречи со мной?
Да, действительно, как?
Интересная загадка получается –
как?
Всё, хватит об этом,
расстроился я,
голова заболела,
пойду лучше займусь,
делами государства,
а то совсем от неё ума я лишусь...

Он берётся за голову и поспешно уходит.

СЦЕНА 17.

Дедославль. Дом Дубравки. Родственники, домашние заняты сборами к исходу. Дубравка лежит на палатях, плачет.

Дубравка

– Не хочу, не хочу –
чужого бога.
Я люблю своего – родного!
Мне было с ним так хорошо,
я для него вышивала,
пела, плясала,
собирала цветы.
Он мне улыбался,
в знак нашей любви!
Теперь меня заставляют каяться,
да прощенья просить.
Ничего не хочу,
я хочу лишь любить!
Я не раба!
Я дочь Сварога,
я Им рождена!
Для них я грешна –
неправда!
Я изначально чиста! –
Обращается к присутствующим:
– А где Светобор?
Кто-нибудь видел Светобора?
Уже полдня прошло,
а его всё нет и нет.
Кто мне скажет –
где Светобор?

Славуня

– Я видела утром его,
по дороге в храм...

Дубравка *(удивлённо)*

– В храм?
Но ведь храма больше нет!
Зачем же он туда пошёл?
Пойду и я за ним...

Умила

– Не ходи,
придёт твой Светобор,
никуда не денется.
Может, он давно вернулся,
и собирается,
собиралась бы и ты...

Дубравка

– Зачем они разрушили храм?
Чем он им помешал?

Умила

– Видать, помешал...
Придёт время –
мы вернёмся,
и построим новый храм...

Дубравка

– Я!
Построю храм!
Я!

Входит Любомир.

Любомир

– Собираетесь...
Наш род уже собрался,
поторопитесь,
завтра будет поздно.

Указ от князя вышел:
завтра по утру
всем велено к реке явиться –
в заморскую веру всех будут обращать.
Кто не придет –
силой поведут,
а кто откажется –
огнём и мечом,
жечь и сечь станут.
На беловодье уходить надо,
там жива ещё русская вера...

Славуня

– Господи!
Что же это такое творится-то, а?!
Белый свет перевернулся что ли?
Сроду на Руси такого не было...
Лада Матушка –
Мать Богородица!
Спаси, сохрани и защити Русь,
от нечисти всякой...

Родомысл

– Защитит,
если мы сами,
и Богородицу, и Русь защитим...

Любомир

– И то верно...

Дубравка *(к Любомиру)*

– Не видал Светобора?
Не скажешь где он?

Любомир

– Только что видел.
По-моему, он сюда шёл,
следом за мной...

Слышатся шаги, входит Светобор.

Любомир

– А вот и он...

Светобор

– Где Дубравка?

Дубравка

– Я здесь, –
подбегает к Светобору.
– Где ты был так долго?
Зачем в Храм ходил?

Светобор

– Так ты уже знаешь?
Пойдём,
что-то тебе покажу…

Дубравка и Светобор уходят в соседнюю комнату.

Умила

– Ну, наконец-то, встретились,
голубки.
Полдня не прошло,
как потеряли друг друга...

Родомысл

– Надёжа наша,
и Руси...

Умила

– Забавно на них смотреть...

Любомир

– Пока живёт Любовь –

будет жить и Русь...

Родомысл

– Ты прав –
Русь жива Любовью...

Славуня

– Боги радуются,
когда люди любят друг друга...

Соседняя комната. Светобор и Дубравка одни.

Дубравка *(подбоченясь строго, но с интересом)*

– Ну!
Показывай,
что там у тебя!?

Светобор расстёгивает ворот рубахи, лезет за пазуху и достаёт полотняный сверток.

Светобор

– Вот,
возьми, –
подаёт его Дубравке, –
насилу отыскал...

Дубравка берёт сверток, разворачивает и узнаёт свой рушник.

Дубравка *(с радостным удивлением)*

– Так это ж мой рушник!
Тебя же за него,
могли поймать,
в темницу бросить,

иль попросту – убить!
Что я бы делала тогда?
Ты подумал об этом?

Светобор

– Жила...

Дубравка

– Одна?

Светобор

– Нашла б,
кого-нибудь и полюбила...

Дубравка

– Не говори,
так больше.
Зачем подверг опасности себя?

Светобор

– Не оставлять же им,
того,
что дорого и любо...

Дубравка

– Ах, Светобор!
Ещё бы краше,
тебе рушник я б соткала...

Светобор

– Дороже нет,
мне этого на свете,
и не забыть его мне никогда...

Дубравка

– Ты прав,

и он мне дорог.
Он русской Веры символ,
и русской чести знак!

Светобор

– И это всё,
что нам с тобой досталось...
Нет ничего:
ни храмов, ни жилища,
одни развалины,
да пепелища...

Дубравка

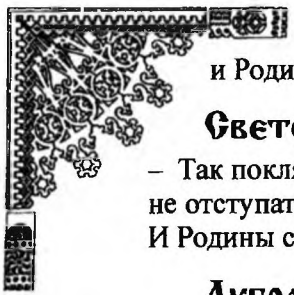
– Не жить,
без Бога, Веры,
и без Храмов нам...

Светобор

– Не жить,
всё порушено и сожжено.
Но уцелел лишь он –
Любви глоток,
и вздох любви к отчизне!
Его спас Световид!
Я верил, знал,
что Световид спасёт.
Не отдал Бог –
Любви на поруганье!
Навеки я Его должник!
Ему теперь служить я буду,
и Родине своей!

Дубравка

– И я,
со всей душой,
служить Ему готова,



и Родине своей!

Светобор

– Так поклянёмся –
не отступать от Веры предков наших!
И Родины своей не оставлять в беде!

Дубравка

– Клянусь!

Светобор

– И я клянусь!

Светобор и Дубравка клянутся в верности своей Вере и Родине. Читают гимн Святой Руси.

– Синь небес, звезда, луна –
Меч сияет Перуна.
Очищает души наши,
Русью славится земля!
Разгорайся царь-огонь –
Коловрат и Посолонь.
Поднимайся до небес,
освяти наш путь и крест!
Укрепляй нам дух и тело,
для служения Руси –
Мы сражаемся за дело,
Русской любящей души!
Славен будь наш царь-огонь –
Коловрат и Посолонь!
Разгорайся, поднимайся –
к небу путь ты нам открой!
Отвари врата нам Рая,
освети нам путь златой –
к Богу Русь идет Святая,
чтобы вечно быть Святой!

СЦЕНА 18.

Дедославль. Городская площадь полна народа. Баян Сладогор играет на гуслях, поёт народу песни. Народ слушает.

– Братья и Сестры!
Я песнь вам спою.
Как жил человек и кем был он раньше?
Чем же он мерил жизнь и себя?
Всё вам открою, всё расскажу...
Жил человек, лишь Правду любя,
Кривды же он сторониться старался,
Мог различать их он тогда.
Совести внемлел – ненавидел всё злое,
от этого дух становился в нём крепче,
и человек создавал счастье своё,
в счастье и сам человек создавался.
Бога он знал, как Отца своего,
нарекался тогда он Сыном Его.
Но Кривда в него хитро жадность вселила,
и перестал человек всё вокруг понимать.
Жадность убила в человеке Познанье,
со смертью Познанья – гибнет и совесть.
От гибели совести – гибнет и Правда.
С гибелью Правды – счастье уходит.
Когда счастье убито – убит человек.
С гибелью человека – Бога враг торжествует...
Так Кривда мир людей покорила,
что раб человек – ему хитро внушила.
Желанье чужого у раба появилось,
оно ж породило великую лень,
и стремление жить от чужого труда...

Желанье чужого – вот смерти начало,
оно же и в рабство душу приводит,
а в рабстве гибнет и сам человек...
Кривда опорой своей богатство считает,
в мире людей всё к богатству свела.
Человек неимущий, как мертвец для неё.
Достигает богатства она силой обмана.
Лишь на силу обмана надеясь,
она правит людьми до сих пор.
Тот, кто способен желанье чужого отринуть,
тот душу от смерти спасёт навсегда...
Спел я вам песню, Братья и Сестры!
О смерти и жизни вам рассказал.
Как совестью смерть побеждается только,
а с совестью Бог возвратится лишь может,
а с Богом и жизнь расцветает счастливой...
Так человек сможет к Богу вернуться,
и Сыном Его вновь он может назваться,
чтоб помощником стать в деле Отца...

Появляется Зосим Черный, Курицын с дружками, за ними вооружённый отряд. Народ в панике.

Первый

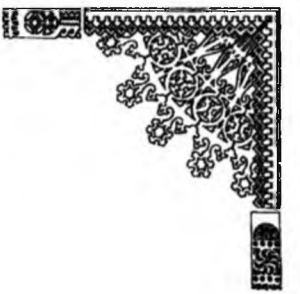
– Люди-и!
Чёрный монах идёт!
Спасайтесь!

Второй

– Люди! Бегите!
Чёрный монах пришёл!

Третий

– Чёрный монах!



Четвертый

– Чёрный монах!

Зосим *(злорадно)*

– А-а,
вот вы где!
Язычники проклятые...

Народ пытается бежать.

Зосим *(Курицыну)*

– Тащите их сюда!

Курицын

– Они разбегаются...

Зосим

– Ловите их!

Люди Зосимы ловят убегавших и ведут их к нему.

Зосим *(суёт одному в лицо книгу)*

– Целуй!
Наше учение…

Один

– Сам целуй,
у нас своё есть...

Зосим вытаскивает из рукава нож и убивает подведённого.

Зосим

– Сдохни,
язычник проклятый!

Первый падает замертво, подводят второго.

Зосим

– Целуй!
Принимай нашу веру...

Второй *(плюёт)*

– Тьфу!
На тебя и на твою веру...

Зосим убивает второго. Поднимается паника, крики ужаса. Народ пытается бежать.

Зосим *(кричит своим людям)*

– Гоните всех в реку!

Люди Зосимы, стражники силой тащат и гонят народ в реку. Завязывается борьба.

Зосим *(в гневе)*

– Бейте их!
Всех до единого бейте!

Начинается избиение народа. Вперёд выходит Баян. Он пытается остановить избиение.

Сладагор

– Что вы делаете?!
Остановитесь!
Вы ж русские люди!

Все останавливаются. Наступает тишина.

Зосим

– А-а,

Вот ты где!
Давненько не виделись. –
Курицыну:
– Хватай его!

Курицын в нерешительности стоит.

Зосим *(поднимает книгу)*

– Прокляну!
Весь род твой прокляну!
Всех прокляну!
Ну-у!

Курицын с дружками накидываются на Сладогора, вяжут его и подводят к Зосиме.

Зосим

– Попался,
Крамольник проклятый!
Пошто на бунт народ подбиваешь?

Сладогор

– Не тебе, псу,
спрос мне чинить.
Лучше ответь –
зачем родной верой торгуешь?
Для кого Русь губишь?

Зосим

– Я волю княжескую сполняю,
а ты супротив прёшь...

Сладогор

– Врёшь, пёс,
вы князя с иноземцами опутали,
не его эта воля,

но ваш интерес пёсий...

Зосим *(раздражённо)*

– Замолчь!
Богохульник!

Сладогор

– Не по вере русской,
Бога хулить.
Твоё это усердие, пёс.
А нам любить Бога,
и волю Его знать надлежит...

Зосим *(трясёт книгой)*

– Замолчь, говорю!
Покайся!

Сладогор

– Не ведомо тебе, псу,
что мы русские –
дети Божии.
И не сыновье дело –
каяться,
но раба.
Сынам же надлежит –
духом к Отцу восходить,
и в любви Его совершенствоваться,
и делами исправлять порушённое,
коль случается оное,
а не брехаться,
покаянием попусту...

Зосим *(замахивается ножом)*

– Убью-ю-ю!
Замолчь, грю!

Сладогор *(смеется)*

– Напугал смертью русича.
Тьфу на тебя, –
плюет Зосиму в лицо, –
делай своё чёрное дело, пёс.
Мёртвые сраму ни имут...

Зосим *(вытирается)*

– Не-ее-ет,
я не стану тебя убивать,
слишком мягко.
Я язык твой поганый вырву –
жало аспидово.
Я глаза твои выколю,
уши отрежу.
Пожалеешь, что на свет народился. –
Курицыну:
– Слыхал?
Сполняй немедля!

Курицын *(Авдею)*

– Чего уставился?
Подмогни!

Авдей *(падает на колени)*

– Помилуйте, братцы!
Только не это.
Не могу,
руки не подымаются...

Курицын *(толкает его ногой)*

– Прочь!
Сопля паршивая.
Без тебя управимся...

Курицын с дружками выполняют приказ Зосимы. Люди

в ужасе бегут в свои дома и укрываются в них.

Зосим *(кричит)*

– Сжечь!
Всех сжечь!
Пусть горят в гиене огненной!

Люди Зосимы запирают народ в домах и поджигают. Слышатся стоны, плачь, крики. Сладогор, ощупывая руками воздух, идёт к горящим избам, пытается спасать из огня людей, но вместе со всеми погибает в огне.

СЦЕНА 19.

Тайный острог. Варвара сидит у зарешечённого окна и поет:

– Ясное солнышко, ясен денёк,
услышь мою песню, милый дружок,
соколом быстрым ко мне прилети,
вольную волюшку мне возврати.
Много в темнице я слёз пролила,
по милой сторонке тоскует душа.
Сокол мой ясный, Финист мой родной,
в Русскую землю хочу я домой.
Вольные пашни, вольны луга,
как вы живете одни без меня?
Кто вас засеет и кто уберёт,
кто к душе Русской придёт и спасёт?
Где ты мой сокол? Где мой герой?
Услышь мою песню, темницу открой!
Соколом смелым ко мне прилети,
русскую душу утешь и спаси!
Русскую душу неволя томит,
русскую душу желают убить!
Где мой спаситель? Где мой герой?
Страх ли отнял силу духа родной?
Русскую душу ли напугать?
У Русского духа ли силу отнять?
Ясное солнышко, ясен денёк,
дайте хоть вы мне свободы глоток,
В Русскую землю сама улечу,
Русскую землю сама я спасу!

Входит Димитрий.

Димитрий

– Здравствуй, Варварушка...

Варвара не отвечает на приветствие. Молча смотрит в окно.

Димитрий *(тихо)*

– По-прежнему горда, –
громко, –
понимаю,
в твоих глазах,
достоин я презренья...

Варвара

– Нет,
только сожаленья...

Димитрий

– Это ещё хуже,
а впрочем, всё равно,
теперь терять мне нечего...

Варвара

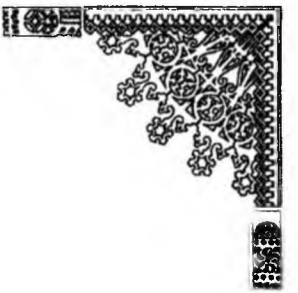
– Особенно,
когда не имеешь ничего...

Димитрий

– Неправда?
Я имею всё!

Варвара

– Что ты имеешь,
это всё – ничто...
Его недолго снова потерять.



Димитрий

– Пустяк,
я всё готов отдать...

Варвара

– Вот и отдай...

Димитрий

– Кому?

Варвара

– Тому,
кто по закону,
владеть имеет право...

Димитрий *(иронично)*

– Ха, ха,
вот забава, ведь я и есть –
закон и право,
и всё в одном лице...
И по закону и по праву,
что в этой есть стране –
принадлежит, как ни странно, мне...
И ты,
и твоя любовь,
всё теперь моё...

Варвара

– Чего ты ищешь,
того здесь нет...

Димитрий

– Неправда!
Здесь всё!
Здесь ты!
Здесь цель моей мечты!

Варвара

– Чего ты хочешь?

Димитрий

– Любви!

Варвара

– Не тот к любви ты выбрал путь...

Димитрий

– Зато,
Осуществилась цель!
Вот в чём поступков суть!
Цель всё!
А средства к ней – ничто!
И ты теперь со мной...

Варвара

– Но только не душой...

Димитрий

– И что?

Варвара

– Плохо может кончится
для тебя...

Димитрий *(самоуверенно)*

– Неважно,
какой будет конец,
мне важно –
что будет сейчас...

Он подходит к Варваре и пытается её обнять. Та останавливает его.

Варвара

– Прочь!
Не смей прикасаться ко мне!
На тебе –
много русской крови пролито...

Димитрий

– Гонишь,
неприятен я тебе.
Ну что ж –
пролью ещё...

Варвара

– Убить грозишь?
Убей!
Чего же ждёшь?
Смелей!

Димитрий

– Убью,
но не тебя...

Варвара

– Кого?

Димитрий

– Его...
Знаю,
ты не боишься смерти,
а побоишься ли за жизнь?

Варвара

– За другие жизни – да,
за свою же – нет...

Димитрий

– Вот и я об этом же. –
Подходит ближе к Варваре.
– Ну что, поторгуемся?
Помнишь,
тот на поляне поцелуй?
Он тоже должен быть моим...

Варвара

– Это невозможно,
он не твой...

Димитрий

– Знаю,
но я ведь покупаю...

Варвара

– Высока его цена,
думаю,
что не под силу,
она окажется тебе...

Димитрий *(самоуверенно)*

– Мне?!
Ха-ха,
какая?

Варвара

– Жизнь!

Димитрий

– Хоть чем,
готов я заплатить,
взамен –
тот поцелуй хочу купить,
без промедления – сейчас...

Пытается поцеловать.

Варвара *(останавливает)*

– Постой,
сначала слово дай,
что крови больше не прольёшь...

Димитрий

– Слово? –
Тихо:
– Да ради бога –
не жалко.
Чего, чего,
а этого добра,
у человека много. –
Громко:
– Хорошо,
даю я слово.
В свидетели хоть Господа беру,
что крови больше не пролью...

Варвара

– Поверю,
но предупреждаю,
что будет он уже другим...

Димитрий

– Любым!
Зато твоим...

Варвара целует Димитрия.

Димитрий *(удивлённо)*

– Странно, как будто сладок он,
приятен.
Блаженен вкус его.

Но почему же он горчит?

Варвара

– В нём горе русское точит,
слезами горькими умыто,
к истоку своему спешит,
чтоб им же было всё испито...

Димитрий *(пытается шутить)*

– Ну, мне,
всё это не грозит...

Варвара

– Как воля высшая велит,
что в совести у каждого сокрыта...

Димитрий *(с сарказмом)*

– Высшая воля, совесть –
старо всё это и избито.
За всех способен ум решать!
Ум!
Вот судья кто и защита!
Всю жизнь я полагался на него.
За счёт его,
сегодня я добился своего...
Теперь прощай,
мне пора,
ждут неотложные дела.
Увидимся ещё,
и до чего-нибудь договоримся...

Димитрий идёт к выходу, весело насвистывая.

Варвара *(во след Димитрию)*

– Не забудь,
что поцелуй был куплен,

ценою жизни,
и словом закреплён,
не забывай об этом...

Димитрий *(не оборачиваясь)*

– Не забуду,
я же слово дал,
ха-ха,
слово...

Димитрий уходит, Варвара садится у окна и начинает петь.

СЦЕНА 20.

Дом Зосимы Черного. Зосим и Мордухай одни. Зосим сидит за столом с пером и бумагой, готовый писать. Мордухай рассуждая прохаживается.

Зосим *(Мордухаю)*

– С чего начнем,
переписывать историю Руси?

Мордухай *(не слышит. Сам себе)*

– Писание, писание –
великое оружие:
острее булатного меча,
сильнее силы богатырской,
и крепче железного щита,
разительней стрелы калёной,
мудрей любого мудреца,
отвагой не уступит всем героям,
коварнее предателя ножа!
Смертельнее любого яда,
надёжнее опоры нет,
для мудрого правленья,
с ним власть правителя вечна.
Оно не знает поражений,
разительная мощь его,
а лишь всего:
бумага, слово и перо.
Для глупого – пустяк,
для мудреца – силища...

Зосим *(нетерпеливо)*

– С чего начнём-то?

Модухай
(опомнившись)
– Что?

Зосим *(тихо)*
– Не разберёшь,
бурчит себе под нос,
оглох совсем. –
Громко:
– С чего, говорю, начнём,
летопись-то?
Может, сразу и наврём?

Мордухай *(непонимающе)*
– Как наврём?

Зосим *(угодливо)*
– Ну,
с кривды, клеветы,
иль уничиженья,
начать писать-то, а?

Мордухай *(возмущённо)*
– Ты что! –
Тихо:
– Вот осёл!
Послал же Бог осла,
ну, ничего,
зато,
ослы нужны,
для верного служенья,
не понимающее ничего.
Ослами управлять легко.
С ними надёжней,
у власти нам стоять. –
Громко:

– Заметно слишком будет,
и могут сразу же понять. –
Тихо:
– Этому ослу не нужно знать,
что по сути есть писанье,
и где сокрыта сила вся,
что тайное в нём,
а что в нём явно?
Не для праздного оно ума!
Гордясь учёностью своею,
начнут ослы доказывать своё,
вот тут они и подерутся,
всей правды не найдя.
Они нужны нам в разделённом виде,
неприходящие к единой мысли никогда.
Пока,
ослы дерутся меж собою –
власть наша над ними велика. –
Громко:
– Начнём мы с правды...

Зосим *(удивлённо)*

– Как с правды?! –
Тихо:
– Старый жид совсем рехнулся,
выжил из ума.
Зачем тогда,
трудом напрасным,
обременять себя?
Отдать врагам и всё,
пусть сами пишут,
мучаются зря.
А впрочем, мне то что?
Напишу, что скажет,
жид платит хорошо.
А что мне до своих?
При них –
я был никто,

при нём –
я при деньгах и власти. –
Громко:
– Почему с правды?
Зачем тогда писать?

Мордухай *(тихо)*

– Осел,
чтоб жизнь мысли новой,
в слове можно дать, –
громко, –
ну, не совсем с правды,
совсем без правды,
тоже нельзя,
писание не будет прочным...

Зосим *(понимающе)*

– А-аа-а...

Мордухай

– Мы в одном только слове,
лишь букву переменим...

Зосим *(удивлённо)*

– Букву?!
И всё?! –
Тихо:
– Ничего не понимаю,
издевается жид...

Мордухай

– Не скупись –
и буквы хватит,
чтоб многих в заблуждение ввести,
и перессорить...
Как у вас там было:

Рассияния?
А мы напишем –
Россияния.
Пиши…

Зосим *(притворно)*

– Понимаю, понимаю, -
пишет.
– Что дальше?

Мордухай

– А дальше,
имя и происхождение Руси,
позднее народов других положи.
Пусть все думают,
что русские дикарями были,
и что всё просвещение шло им от нас...
Ещё им напишешь,
что русские письменности своей не имели,
и государственности,
и сами не могли управлять землею своею,
а всегда призывали князей иноземных себе.

Зосим

– Понимаю, понимаю...
Так, так,
что дальше?

Мордухай

– А дальше,
пиши как есть.
Управишься к ночи,
за мною пришли.
А мне пора,
да не жалей чернила и пера...

Мордухай уходит. Зосим остаётся один. Пишет.

СЦЕНА 21.

Суздаль. Царские палаты. Есфирь и князь Всеволод одни. Князь сидит за столом, подписывает грамоты. Есфирь тут же читает написанные грамоты и подаёт их князю.

Есфирь

– Вот грамота,
для открытия на Руси,
питейных заведений.
Вот ростовщических...

Князь *(вздыхает)*

– Ох, Русь, Русь,
бросила пахать –
стала пить и торговать.
Ох, ох...

Есфирь

– Эта,
о даровании свобод,
Синей и Белой Русиям,
и прав отделении их,
от Золотой Руси...

Князь

– Не понимаю –
зачем нам разделяться?

Есфирь

– Таково желание народа...

Князь

– Какого народа?
Мы же все русские –
один народ.
И пожелание у нас одно –
жить в мире и Любви
и к Богу-Роду всем идти!

Есфирь

– А Мордухай говорит,
что мы разные,
и разделяют нас –
наши желания,
и разные наши пути...

Князь

– Как может один народ,
желать –
сам себе разделения?
Когда нас разделяет –
климат да расстояние…

Есфирь

– Вот челобитные...

Князь

– От кого?

Есфирь

– Мордухай принёс...

Князь

– Везде Мордухай...

Есфирь *(с упрёком)*

– Он, между прочим,

заговор открыл,
и на заговорщиков тебе указал,
что имели желание –
убить тебя...
Подписывай.
И ещё,
вели разослать грамоты,
во все уделы земли твоей,
чтобы истребили всех врагов его,
и всех сильных из среды народа твоего…

Князь *(подписывает)*

– Как будет угодно тебе,
царица Есфирь...

Входит Димитрий.

Есфирь *(радостно)*

– А вот и наш друг!
Надеемся, хоть от него,
услышать радостные вести. –
Димитрию:
– Чем порадуешь нас, Димитрий?

Димитрий

– Весть есть,
хорошая одна –
идут на помощь нам,
союзные войска.
Обещают на Руси поставить мир,
и жизнь хорошую устроить нам...

Есфирь

– Похвально. –
Князю:
– Вот видишь, князь,

не так-то всё и плохо...

Князь

– Куда уж лучше.
Дожились,
увы, мы до смешного –
советы жизни стали брать,
теперь мы у чужого...

Димитрий

– Зато,
мы победили...

Князь

– Кого?
Себя мы сами же разбили...

Димитрий

– Мы,
к лучшему всё изменили...

Князь

– Мы Русь,
на части разделили.
Ни один народ,
не пролил крови,
столько,
и в войне столетней,
сколько,
её пролили на Руси,
в усобице десятилетней...

Димитрий

– Зато итог!

Князь

– Какой?
Что иноземцев пригласили,
для управление страной?

Димитрий

– Окно,
мы в дом их прорубили
и новой вере русских научили...

Князь

– Нет,
ни старых, ни новых вер –
вера одна,
но религий много.
Мало веру на веру принять,
веру нужно ещё и понять...

Димитрий *(Есфири тихо)*

– А он,
не так-то глуп...

Есфирь *(Димитрию тихо)*

– Нет,
он блажен и безволен...

Димитрий

– Всё равно,
я им премного недоволен.
Сделай что-нибудь, –
берётся за рукоять меча, –
а то...

Есфирь *(останавливает)*

– Рано,
не время ещё.

Наследника нет,
у меня от него...

Димитрий *(с намёком)*

– Зачем же от него...

Есфирь

– Ни от него,
ни от кого другого,
не даёт мне бог,
зачать дитя родного –
царя для этого народа...

Димитрий *(Есфири на ухо)*

– Возможно,
даст зачать он от меня?

Есфирь *(Димитрию кокетливо)*

– Я поняла,
ха-ха. –
Князю повелительно:
– Наш друг желает фруктов.
Сходи за фруктами в сад,
да не спеши,
хороших и сочных там отыщи.

Князь

– Как будет угодно тебе,
царица Есфирь....

Князь уходит. Димитрий и Есфирь одни. Есфирь увлекает Димитрия на ложе.

Есфирь

– Не будет нам покоя,
пока душа и дух народа живы.

Наше счастье,
что власть безвольна и слепа.
Но с духом и душою,
она прозреть способна,
не уцелеть нам всем тогда...

Димитрий

– Ну, это
по твоей уж части...

Есфирь

– Знаю,
а по твоей Варвара,
не медли с ней...

Димитрий

– Не беспокойся,
она в надёжной клетки,
не вырваться оттуда ей...

Есфирь

– Мордухай ищет Боговеда.
Не приложит он ума,
куда,
девался Боговед!
Сыскать не худо б Боговеда –
покончили б мы с Русью навсегда...

Димитрий

– Никогда,
с колен не встала бы она...

Входит князь Всеволод с полной корзиной плодов.

Князь

– Э-эй, друзья,
вы где-е?

Он ищет и находит их на ложе. Димитрий лежит у ног Есфири.

Князь

– Вы здесь...
А я то глупый обыскался,
ни сразу как-то догадался,
где мне друзей своих искать.
Вот всё, что смог для вас собрать...

Он подаёт им корзину с фруктами. Те берут, но к плодам не притрагиваются. Они встают с ложа, растеряны, смущены.

Есфирь *(смущённо)*

– Наш друг,
просил меня,
написать грамоту от имени царя...

Димитрий *(участливо)*

– Да, да,
грамоту...
У нас не обложены данью,
ещё острова...

Есфирь

– Если царю благоугодно будет,
то я напишу грамоту,
от имени царя,
обложим данью ещё острова...

Князь

– Как будет угодно тебе,
царица Есфирь...

Есфирь *(пишет)*

– Вот,
я написала.
Теперь ты, царь, подпиши.

Она протягивает князю грамоту. Князь подписывает и отдаёт её Димитрию. Тот берёт её, кланяется и уходит.

СЦЕНА 22.

Суздаль. Корчма полна праздных людей. Играет шумная музыка. Все пьют, едят, танцуют – веселятся.

Один *(поднимает чарку)*

– Пей! Гуляй!
Всё пропивай!

Второй *(поддерживает)*

– Пропьём –
ещё наживём!

Третий

– Правильно!
Один раз живём!

Все смеются и дружно выпивают.

Четвертый

– Всё от жизни бери,
да девок крепче люби! –
Обращается к одной из девиц:
– Покажи-ка нам, красавица, свои прелести, –
хлопает её по заднице, –
смотри народ,
чем Русь живёт...

Девушка быстро влезает на стол, танцует, то и дело поднимая подол своего платья.

– Не жалко,
смотрите,
да щедрей платите...

За ней влезает ещё одна, за ней ещё. Все восторженно кричат, хлопают в ладоши, мужчины бросают к ногам танцующих девушек деньги. В стороне за отдельным столом сидит Руслан. Он задумчив, не весел. Один знакомый замечает Руслана, подходит к нему с бутылкой вина и садится напротив.

Знакомый *(Руслану)*

– Эй, Руслан!
Ты что не весел?
Отчего так низко голову повесил?
Аль не рад свободному веселью,
аль женщинам, вину,
иль угощенью?
А может, нечем заплатить?
Скажи,
как другу, я могу налить. –
Наливает пустую чарку,
протягивает её Руслану:
– Пей, коль меня как друга уважаешь...

Руслан *(отстраняет чарку)*

– Не в этом дело,
тошно на душе...

Знакомый *(удивлённо)*

– Неужто правда ты душой страдаешь?
Не верится,
тоска, Руслан, не по тебе...
Ты вспомни,
как в былые годы,
мы все резвились на лужке!
Ты заводила первый был и весельчак.
Вот было время – веселились,
стена на стенку мы сходились,

забавы ради в молодой игре.
Скажу по чести – крепкий у тебя кулак.
А вечером на посиделки к девушкам мы шли.
А хороводы с ними как водили!
А как красиво их любили!
И ты ведь не был в стороне.
А что сейчас?

Руслан

– Тогда мы все ещё не пили,
страну не грабили и не делили,
сейчас все тонем в срамоте...

Знакомый

– Времена, Руслан, пойми не те...

Руслан

– Не те,
а было золотое время...
Сейчас за просто так,
зарежут в пьяной драке,
или удавят за пятак...

Знакомый

– Что делать,
слабода ныне по душе...

Руслан

– Такая, –
кивает в сторону гуляющих, –
слабода не по мне…

Знакомый

– Ты это зря, Руслан.
Раньше как?
Воля, совесть и нельзя –

вот что было у меня...
А сейчас?
Слабода, всё можно и закон, о!
Сам написал – сам убрал...
Так за морем живут,
права называются, о!

Руслан

– Права-а,
обязанности помнили бы лучше...
Тошен, душен,
закон мне их бумажный!
Не по букве мёртвой жить бы нам!
По совести и Любви –
жить жажду!
От кого и от чего они свободны? –
Он кивает в сторону гуляющих. –
От праведности или от греха?
А?

Знакомый

– Но это их выбор...

Руслан

– Не думаю,
что б кто-нибудь по доброй воле,
смерть выбрал для себя...

Знакомый

– А суд на что?
Коль что не нравится,
ты можешь в суд его,
у тебя права такие есть...

Руслан

– Ага!

Права есть, а денег нет!
Как быть?
Вот забава –
у меня одно лишь право,
побольше денег накопить,
ну, а потом уж и судить...
Деньги!
Вот суть мера всех вещей!
Ничего нет более подлей!

Знакомый

– Но как нам,
без прав и денег всё устроить?
Сердца от них как успокоить?

Руслан

– Слободу волей замени,
и с ней отечеству служи...
Государь – отец,
а все подданные – дети его,
вот как должно быть.
Отец всегда защита для детей своих,
и от начальствующих, и от судей.
Не по бумажкам их,
по совести желаю быть судим!
Совесть!
Вот суть мера всех вещей!
Ничего нет более милей!
А государь её держатель!

Знакомый

– Ну, а со слободой как же быть?

Руслан

– Я думаю,
неспроста,

придумали такое слово –
для охмуренья мужика.
Чтоб воли мужика лишить,
Её слабодой решили подменить!
Воля – есть цель,
проявление своих талантов и ума!
Без воли слабода – пустота!
Слабоды нет в природе,
она аллюзия, мираж навроде.
Слабода суть отсутствие воли и стыда...

Знакомый *(удивлённо)*

– Эвон как!

Руслан

– Вот так!
Вот почему и тошно на душе,
нет игр, храмов,
некуда пойти,
куда не глянь –
одно жулье, разврат да кабаки,
но лютее всего – ростовщики!

Знакомый

– Эвон как!

Руслан

– И вот ещё о чём грущу,
Людмилу я свою ищу.
В пустой, печальной суете,
я потерял свою голубку,
и нет с тех пор покоя мне...
Прощай, мой друг,
спешу на поиск я Людмилы,
и послужить желаю Богу и Рассии…

Руслан встаёт и поспешно уходит.

Знакомый *(задумчиво)*

– Да-а, Руслан,
ты герой –
у тебя есть воля! Цель!
А у меня?
Слабода, деньги, суета...

Он вдруг встаёт и спешит вслед за другом.

– Постой, Руслан,
я с тобой...

СЦЕНА 23.

Беловодье. Небольшая лесная поляна. Дубравка и Светобор одни. Они лежат на траве и прислушиваются к тишине.

Дубравка

– Я слышу,
голос Варвары.
Она в беде –
зовёт на помощь.
Душа её в печали,
по земле родной скорбит...

Светобор

– Я тоже слышу.
Она песню грустную поёт.
Ей тяжело. Она в неволе.
Тоска сковала сердце ей...

Дубравка

– Я знаю где она,
я сердцем вижу...

Светобор

– Спешить,
скорее надо к ней на помощь!

Дубравка *(взволнованно)*

– Спешить!
Ну, где же Боговед?!
Где, Отче Святый?!
Сказать ему об этом нужно!
Задерживается он сегодня что-то.

Не случилось бы чего и с ним,
я очень за него волнуюсь...

Светобор

– Чего случится может,
с тем,
кто Бога знает?
И кто,
С Ним в вышей расе состоит?

Дубравка

– Всё равно,
я за него волнуюсь.
Ну, где же он?!

Входит Боговед. Дубравка и Светобор замечают его и радостные спешат ему на встречу.

Дубравка

– Слава Богу!
Дождались...

Светобор

– Отче, ты опоздал,
зачем?
Мы волновались...

Боговед

– Благодарю,
за любовь ко мне свою,
напрасные волненья ваши,
который час,
я здесь уже стою –
любуюсь,
красотой и молодостью вашей.
И я когда-то был как вы.

Я рад –
взошли мои труды!
Сегодня я прощаюсь с вами...

Дубравка и Светобор

– Как?! Почему?!

Боговед

– Вы научились уж всему...
и время послужить отчизне!
Ей принести свои плоды!
Учиться вам теперь у жизни!
Вас главному я научил –
любить и понимать народа душу!
И помните –
она пошла от Красоты!
Её сумеете спасти,
коль научились слышать.
Для пользы снова повторю –
любите Бога, Государя и Отчизну!
Они все три для русича едины –
служите Им как делу одному!
Надейтесь, Верьте и Любите!
Живите с совестью в ладу,
стремитесь в помыслах к добру.
Такую дал Бог русичу судьбу –
с любовью вы её несите!
Теперь о главном вам скажу:
Закон, преданье старины храните,
не забывайте,
и не отдавайте никому!
Если будет всё в прошлом –
забудем кто есть мы.
Время не в одном – в трёх чтите!
Распри прошлые не считайте.
Будем опять жить,

будет служение Богу!
Место в мире Божьем,
что послал нам Господь –
окружите тесными рядами,
защищайте его днём и ночью.
За мощь его радейте!
Где вы будете – чада будут,
нивы будут, прекрасная жизнь!
Рассияния чарует очи,
никуда от Неё не денешься, не излечишься!
Живы ещё чада Её...
Погибель в богатстве,
что подрывает нам силы.
Роем живите!
Кто, если не вы, защитит,
живых, а не мертвых!
Теперь прощайте, в путь спешите,
и дайте вас благословлю.

Дубравка и Светобор преклоняют колена. Боговед возлагает на их головы свои руки. Затем Дубравка и Светобор встают и уходят. Боговед один.

Боговед *(им во след)*

– Да хранит вас Господь.
Русь надеется на вас...

СЦЕНА 24.

Лес. Тайный острог. За высоким частоколом двор. Посреди двора компания Курицына поджаривают на костре убитую тушу животного. Все пьют, едят и веселятся.

– Варавайка никогда не будет прачкой,
Ухарь не подставит мечу грудь.
Руки зря свои трудом не пачкай,
эта воровская наша суть...
Эй, ха-ха,
эй, ха-ха,
эта воровская наша суть...

Раздаётся стук в ворота. Компания замолкает и настораживается.

Курицын *(кивает Авдею)*

– Глянь, кто там?

Авдей трусцой бежит к воротам. Открывает оконце, видит Дубравку с открытой грудью и распутными волосами и от неожиданности изумлённо открывает рот.

Дубравка *(игриво)*

– Что это ты, молодец-удалец,
ворота не отворяешь?
Девицу не впускаешь?
Аль не рад?
Иль богатства какие скрываешь?
Неужто лучше чем мои?

Дубравка демонстративно поправляет волосы, рассыпает их по плечам, показывает Авдею свою красоту. Затем легонько теребит его за бороду.

– А ты ничего,
удалец-молодец...

Авдей блаженно смеётся. Дружки слышат смех Авдея, дивятся.

Курицын *(товарищам)*

– Что это с ним?

Все встают и направляются к воротам. Игнатка Зуб, завидев Дубравку, восхищённо присвистывает.

– Мать честная!
Откуда такая?!

Ивашка Сверчок

– Вот эта краля!

Гридя Клоч

– Красота живая!

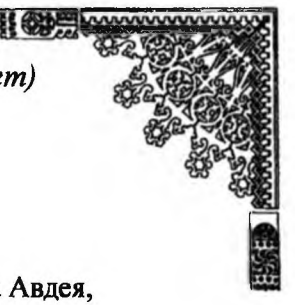
Курицын *(подозрительно)*

– Это ещё кто такая?

Дубравка, увидев дружков Авдея, с притворной стыдливостью запахивает грудь и разочарованно упрекает его:

– Так ты не один?
А я то думала...
Ну, тогда я пошла...

Она поворачивается и идет к лесу.



Курицын *(окликает)*

– Эй, эй!..
Как это пошла?
Куда пошла? –
Кричит:
– Эй, девица, постой! –
Он отталкивает от оконца Авдея,
и открывает ворота.
– А ну, стой!
Стой тебе говорят!

Дубравка не оборачивается, скрывается в лесу. Все устремляются за ней.

Курицын *(Авдею строго)*

– Будь тут, –
грозит пальцем, –
и смотри – ни шагу!
Панял?!

И тоже бежит за остальными в лес. Авдей один. Он возбуждён, в нерешительности мечется по двору.

– Ко мне приходила богиня!
Она ко мне приходила!
Ко мне!
Что делать? Как быть?
Что станется с ней?
Я пойду за ней!

Наконец-то он решается и бежит в лес, забывая запереть ворота. Тут входит во двор Светобор, сбивает с темницы замки, открывает засовы, проникает в башенку и освобождает Варвару.

СЦЕНА 25.

Небольшая лесная поляна. Посреди неё стоит Дубравка с двумя мечами в руках, поджидает своих преследователей. Вдруг на поляну выбегает запыхавшаяся компания Курицына.

Гридя Клоч *(показывает)*

– Вот она?

Игнатка Зуб *(удивлённо присвистывает)*

– Мать чесная,
а девонька-то непростая!

Ивашка Сверчок

– Вот так краля!

Курицын

– Ничего,
не таких видали,
и похлеще знавали. –
Он обнажает меч,
командует:
– Ты заходь справа,
а ты слева.
Узнаем –
откуда и кто такая,
да заодно позабавимся...

Курицын жадно лапает глазами Дубравку и не спеша идет к ней. Остальные следуют за ним. Подойдя ближе, Курицын делает обманное движение, пытается напугать Дубравку:

– У-у!

Он смеётся. Смеются и его товарищи. Дубравка не шевелясь стоит на месте.

Курицын *(товарищам)*

– Смотри-ка,
не боится...

Товарищи *(весело)*

– Смелая...

Курицын

– А мы,
сейчас спытаем её смелость...

Он замахивается мечом и нападает на Дубравку. Та уклоняется от удара и плоской стороной меча бьёт его по спине. Курицын, теряя равновесие, быстро бежит по ходу и падает, уткнувшись носом в землю. Остальные изумлённо наблюдают. Курицыну стыдно перед товарищами. Он поднимается, не знает что делать и зло смотрит на Дубравку, тут выбегает на поляну Авдей.

Авдей

– Братцы!
Эта богиня!
Она ко мне приходила!
Ко мне!
Не троньте её!
Она моя! Моя!

Он пытается остановить, уговорить своих дружков не трогать её. Курицын берёт Авдея за шиворот и отшвыривает в сторону. Затем приказывает нападать на Дубравку. Те готовы исполнить приказ, но тут появляется Светобор и останавливает их.

Светобор

– Эй, витязи!
Хорошо ли,
на деву красную с мечами идти,
да ещё впятером?
Не сразиться ли вам,
со мною мечом?

Курицын *(удивлённо)*

– Это ещё кто таков?

Игнатка *(догадливо присвистывает)*

– Мать чесная!
А девонька-то,
оказывается, – не одна!

Ивашка *(удивлённо)*

– Вот те на!
И правда, не одна!

Гридя *(вопросительно)*

– Да-а...

Авдей *(панически)*

– Братцы, беда!
Бежим кто куда!
Она нас накажет,
за наши дела!

Курицын, Игнатка, Ивашка и Гридя оставляют Дубравку и набрасываются на Светобора. Завязывается короткий бой. Авдей в страхе мечется между дерущимися. Светобор поражает нападавших мечами. Авдей падает на колени.

Авдей *(умоляюще)*

– Пощадите!
Не убивайте меня!
Это не я!
Это всё он, –
показывает на убитого Курицына.
– Я жить хочу!
Я больше не буду...

Дубравка и Светобор отпускают Авдея. Тот рассыпается в благодарностях и в страхе, охая, убегает.

Дубравка *(Светобору)*

– Что с Варварой?

Светобор

– Все хорошо,
она на свободе,
к народу пошла...

Дубравка

– Так должно и быть –
ей идти к народу,
а нам пора к дружине,
идём...

Светобор

– Идём...

Дубравка и Светобор спешно уходят.

СЦЕНА 26.

Равнина. Наступает рассвет. Выстроенные когорты наёмных ромеев стоят в ожидании битвы. Марий и Димитрий верхами, окружённые группой всадников, рассматривают место предстоящего сражения.

Марий

– Что-то не видно русских...

Димитрий

– Появятся...

Марий всматривается в горизонт и видит, как тот вдруг ожил, зашевелился и стал быстро расти. Он понял, это конница русских...

...Уже год как его с армией перебросили с южных границ империи в холодные земли славян. Война с непонятными русскими ему не нравилась. Маневрируя между лесами, болотами и степями, он искал с русскими решающего сражения, но они постоянно куда-то девались, дав один решающий бой, он хотел разом покончить с основными силами противника, а затем, постепенно добивая его по частям, к зиме закончить войну. Но частые, неожиданные и жестокие бои, навязанные ему самими же русскими, изматывали его армию и не приносили ей никаких побед. Продвигаясь в глубь страны русов, он вынужден был оставлять на занятых территориях свои гарнизоны, на которых, к тому же, хозяйничали отряды народных ополчений, наносившие ощутимый урон его гарнизонам, которые без конца просили подкреплений. Такое положение дел беспокоило его. Его армия не успевала отдыхать и неумолимо таяла. К тому же не за горами зима. А сенат всё не слал и не слал свежих подкреплений. «Вот бы на время, хотя бы на один год заключить с Парфией мир,

империя получила бы нужную передышку, высвободив значительные силы для войны с Русью. Но что думает сенат? Его здесь нет. Он нежится в тёплых водах Босфора, рассуждает о политике и ведёт бесконечную подковёрную борьбу за власть. И не знает, что значит быть здесь – в неприветливых землях варваров, которым нет и нет конца».

Марий ёжится на утреннем осеннем морозце внимательно следит за растущей конницей русских. Она словно живое море, колеблясь, стремительно наплывает на его войско. Но что с ним? Его сердце взволновано стукнуло. Старость, пытается успокоить себя Марий. Он бывалый солдат и возьмёт себя в руки. Нет, он не трусит, но он впервые не знает с кем воюет. Так же не знает и сенат, растолстевший на чужом золоте и разнежившийся в мягких постелях наложниц. Марий оглядывает своих воинов. Нет, они не бросят его, они умрут, если понадобятся вместе с ним. Армия его ещё сильна и может победить. Он верит в неё. Но кто этот Светобор? Юнец, мальчишка, дерзнувший ему – великому Марию – бросить вызов? Кто она эта золотая Русь, которую он ведёт за собой, прославший всего три слова «иду на вы»? Он трогает под левым надгрудником мягкий пергамент из бычьей кожи и снова погружается в раздумье. Нет, он не разорвёт его, он бросит ему в лицо. Лучше заставит съесть, не здесь, а там, у себя на родине, перед сенатом на площади перед всем Римом, чтобы неповадно было бросать вызов великой империи. Но где правительственные войска князя? Он уже несколько дней ждёт их, не сходя с места. Что это предательство или нерасторопность русских? Этот жалкий отряд во главе с этим хитрицом и есть помощь князя? Марий косо смотрит на Димитрия. Он не нравится Марию, скользкий и странный тип. Нельзя доверять этим варварам. Марий не понимал смысла этой войны. Там, завоёвывая другие земли, они всё строили: города, дороги, водопроводы, стадионы, храмы.

Здесь же всё наоборот – они должны были всё разрушать. Он с удовольствием покинул бы эту страну и увёл бы обратно свою армию, но ему и его войнам хорошо заплатили, к тому же на войне постоянно настаивает сенат. Кончалось лето, наступила осень. Ему не хотелось, чтобы зимние морозы застали его далеко от своих границ, и он вынужден был дать русским сражение до наступления холодов. Он не спал всю ночь, с надеждой ожидая вестей от князя, и был в плохом настроении...

... Марий уже различал коней и всадников. Они одной сплошной лавиной надвигались на его войско. Земля гудела под многотысячными конскими копытами. Гул нарастал и стремительно приближался. Но вдруг русские остановились и всю равнину на мгновение накрыла странная тишина. Затем прохладный воздух взорвало оглушительное: Ура-а!

Марий *(повернулся к Димитрию)*

– Что это?

Димитрий

– Не знаю. Пока...

Марий

– Странные вы русские.
Вас ещё называют татарами,
почему?

Димитрий

– Русские ведут свой род
от Бога Тарха, Он же Даждьбог,
и Богине Тары Перуновны...

Марий

– Почему же ты не с ними?

Димитрий

– У меня свой интерес...

Марий пристально посмотрел на Димитрия и ничего не сказав отвернулся. Ему не хотелось более говорить с ним, но всё же он, не глядя на него, скорее сообщил, чем спросил:

– Вашу страну,
называют Гардарикой...

Димитрий

– Да,
Русь – страна городов...

Русское войско

С фланга на перерез войску стремительно неслась с длинными распущенными огненными волосами, развивающимися на ветру, обнажённая женская фигура. На вороном коне она была ещё заметнее и выразительнее. Её сопровождал отряд всадников, обнажённых до пояса. Она скакала вдоль русского войска под оглушительный боевой клич, доскакав до края противоположного фланга, она повернула коня обратно и остановила его на середине войска.

Дубравка

– Вои! Русичи! Там, –
она показала рукой на заход солнца, –
наш враг!
Он пришёл отнять,
у нас нашу Веру и Землю!
И дать нам своего бога,
который хочет называть нас рабами!
Не отдадим Веры предков,
и Земли Русской!
Умрём за Русь и Веру!
Вперёд!

Она резко повернула коня и рванула его вперёд. За ней тут же сорвался с места со своим отрядом и Светобор. Следом двинулось и всё войско. Оно набирало ход, и уже через несколько мгновений вся лавина неслась во весь опор. Светобор, боясь за Дубравку, стал настигать её и подал знак своим товарищам, чтобы они догнали Дубравку и прикрыли её с флангов. Те поняли и стали настигать её.

Войско ромеев

Чем ближе приближалась к ромеям русская конница, тем больше она приобретала вид клина, впереди которого, словно наконечник стрелы, летел отряд, обнажённых до пояса всадников. Марий вопросительно посмотрел на Димитрия, но тот молчал. Он не стал спрашивать, лишь с силой потянул на себя поводья забеспокоившегося от чего-то коня.

Димитрий *(с тревогой)*

– Ну вот и они.
Так я и знал...

Марий *(замечает его волнение)*

– Кто они?

Димитрий

– Двурукие...
Похоже вся Русь поднялась…
Убей её, –
он показывает рукой,
в сторону женской фигуры, –
быстрее, а то...

Димитрий не договаривает, нервничает и замолкает. Марий не стал дожидаться ответа, он понял важность его слов и, выхватив у стоявшего всадника лук, стал целиться. Он уже готов был спустить тетиву, как первый солнечный

луч ударил ему в глаза. Марий, моргнув, выстрелил. Стрела просвистела над плечом Дубравки и ударила в грудь Светобора. Тот вскрикнул и завалился назад. Она увидела и застонала, словно стрела угодила в неё. Корчась от боли, она с силой стиснула зубы, но не выдержала, и вой раненой волчицы вырвался у неё из груди. Повернув коня в сторону стрелявшего, она стрелой полетела к нему. Димитрий вдруг пришпоривает своего коня и скачет прочь.

Марий

– Предатель!

Он хочет выстрелить ему в спину, но опаздывает. Откинув лук, он успевает лишь выхватить меч. Ещё мгновение и его глаза сталкиваются с гневным взором огромных голубых девичьих глаз. Над его головой молнией блеснули два меча. Звон и его меч вылетает из его руки. Марий успевает уклониться и удар второго меча со скользом, но с силой прошёлся по шлему и сбил его с головы. Он не понял, что произошло, качнулся в седле, но удержался, повернул коня в сторону промчавшегося мимо него странного существа. Но тут что-то захлестнуло его грудь и с силой вырвало из седла, и стремительно понесло прочь от его войска. Он только успевает увидеть, как от её мечей упали несколько его воинов, и как русская конница словно огромным острым мечом уже глубоко вонзилась в тело его войска и разрезает его пополам.

Русский стан

Очнулся Марий оборванный, грязный и без шлема, под копытами всадника, который отдавал последние распоряжения этого боя и в котором он, Марий, великий полководец великой империи впервые не участвовал. Он понял, что его войска нет, только жалкие остатки через некоторое

время будут добиты вот этими людьми, которых почему-то в его стране называют варварами.

Родомысл

– Мы с Любомиром,
обойдём фланги ромеев,
и отрежем им отход.
На этот раз никто не должен уйти.
Хватит с ними нянчиться,
пора с ними кончать.
Ты, Руслан, со своими скачи к Дубравке,
пусть возвращаются.
И поберегите её.
Всё!..

Он дёрнул коня и поскакал со своим отрядом к месту битвы. За ним ускакали и два других отряда. Полуденное солнце начало припекать раны. Марий заполз в тень телеги и запрокинул голову на колесо. Он хотел вспомнить что произошло, но гудела голова и горели раны, и он снова лишился сил.

Бой

Прорвав оборону ромеев, Дубравка со своим отрядом первая вырвались на равнину в тыл противнику и стала заходить ему во фланги, замыкая кольцо. Боясь окружения, один из отрядов ромейской конницы отделился от основного войска и стал уходить. Ему закрыл отход отряд Любомира. Завязался бой. Дубравка заметила, как Любомир, преследовавший ромеев, остался один, упал с коня, потерял шлем и щит. Держась за раненое плечо, теряя силы, он яростно отбивался от наседавших на него всадников. Дубравка повернула коня в его сторону и стремительно понеслась ему на помощь. Она на всем скаку врезалась в группу всадников, сходу сбив одного вместе с конём, двое упали от её ударов,

остальные рассыпались, но быстро собравшись, устремились на них. Дубравка подскакала к Любомиру, крикнула, протягивая ему руку: «прыгай». Любомир, поймав на ходу руку Дубравки, запрыгнул на спину её коня - и через мгновение он уносил их прочь от погони. Забил, засвистел в лицо ветер. В голову ударил запах молодого разгорячённого женского тела. Обхватив её талию, он сильнее прижался к ней. Его руки невольно скользнули вверх, наткнулись на два тугих бугорка и нетерпеливо сжали их. Погоня отстала, радость спасения неожиданно сменилось волнением. Путаясь в её волосах, он жадно стал целовать её горячую, пахнущую женским теплом спину. Дубравка резко остановила коня, подняла его на дыбы и с силой ударила локтем Любомира в бок. Тот кубарем полетел на землю. Охая, он попытался подняться, но не смог. Наткнувшись на строгий, осуждающий девичий взгляд, Любомир смутился и виновато произнёс «прости». Та не ответила, молча повернула коня и быстро поскакала к месту боя.

Поле недавней битвы

Дубравка и Светобор одни. Дубравка держит голову раненого Светобора у себя на коленях и плачет:

– Друже мой,
не оставляй меня одну.
Лада Матушка Богородица,
верни мне,
моего суженого...

Светобор стонет и открывает глаза, видит Дубравку и радуется ей:

– Дубравушка,
краса моя –
сон сейчас я видел,
будто ты называла меня своим суженым...

Дубравка

– Это не сон,
мои слова ты слышал.
Я у Лады Матушки Богородицы,
тебя для себя выпросила...

Светобор *(радостно)*

– Правда!?
И теперь я твой?!

Дубравка

– Мой...

Светобор

– Навсегда, навсегда?

Дубравка *(улыбается)*

– Навсегда, навсегда...

Она наклоняется и целует Светобора.

Светобор *(притворно)*

– Ой!
Что-то мне совсем худо стало,
Ой!

Дубравка *(беспокойно)*

– От чего и где?

Светобор

– Везде...
И от поцелуя твоего –
сейчас умру,
но оживу,
коль на красу твою,
одним глазком,

хоть раз взгляну.
Дубравушка, покажи её
и поцелуй, поцелуй ещё...

Дубравка *(смеётся сквозь слёзы)*
– Негодник,
ты неисправим...

Она целует его, поднимается и, пританцовывая, ходит вокруг него. Светобор, любуясь, смотрит на неё. Подъезжает Руслан с группой всадников, спешиваются, подходят к Дубравке и раненому Светобору.

Руслан
– Вот вы где,
все ищут вас, волнуются и ждут, –
он склоняется над Светобором.
– Слава Господу Перуну – жив!
Там враг твой и обидчик,
в стане нашем под телегою лежит,
я на аркане приволок его,
суда он ожидает твоего.
Отмщу,
я за тебя ему!
Вот этой собственной рукою,
вмиг голову снесу.
Лишь прикажи – когда,
и тотчас истреблю врага!

Светобор
– Благодарю тебя, мой друг,
но сейчас мне не до мщения...

Руслан *(удивлённо)*
– Что такое? Как?
Он же враг!

Светобор *(миролюбиво)*

– Друг мой, Руслан,
я ранен, обессилен, но счастлив,
как никогда.
Не мстить – любить желаю я...

Руслан

– Чудеса да и только...

Один

– Свадьбой тут, чувствую, пахнет...

Другой

– Против любви, знать, не попрёшь...

Дубравка *(Руслану)*

– В стан скорее несите его,
но, ради Бога, осторожно,
он только что пришёл в себя.
Я же к Боговеду поспешу...

Она садится на своего коня и уезжает. Руслан с товарищами кладут Светобора на щит и осторожно несут его в свой стан.

Русский стан после боя

Марий и Руслан одни. Руслан развязывает Мария.

Руслан *(с сожалением)*

– Эх,
дать бы тебе по башке,
чтоб ты сдох...

Марий

– Воля твоя,
мне теперь всё равно,

я потерял войско своё...

Руслан

– Вот именно – не моя,
была бы моя,
не сидела б на плечах
твоя голова...

Марий

– По чьей воле,
отпускаешь меня?

Руслан

– А кого ты убить хотел?

Марий *(оживлённо)*

– Как воин воина прошу,
исполни последнюю волю мою –
её мне б увидеть,
я заплачу...

Руслан *(гневно)*

– Не шути, ромей!
И не зли!
Не снесёшь ты за это,
своей головы!

Марий

– Согласен!
Головою плачу,
на неё перед смертью,
взглянуть я хочу!

Руслан

– Ну, ромей!
Вот это по мне!

Плачет мой меч,
по твоей голове!
Пошли!..

Руслан ведёт Мария к белому шатру. Подойдя, он останавливает Мария.

Руслан *(Марию)*

– Стой!
Дальше не смей,
лучше молись,
ты Богу ромей!

Руслан входит в шатер. Через некоторое время из шатра выходят Дубравка, Светобор, Руслан, Родомысл и Любомир. У Светобора перевязана грудь и плечо, у Любомира плечо. Дубравка в белом длинном платье. Рукава, ворот, передняя часть груди и подол расшиты солярными символами. Толстая, туго заплетённая коса, достигая бедер, лежала на левой груди. Чело схвачено обереговой лентой, тоже расшитой солярными символами знаками.

Дубравка

– Зачем хотел видеть меня, ромей?

Марий восхищён её красотой и удивлен видом. Он старый, закалённый в боях воин побеждён этим загадочным, совсем не похожим на война существом, спокойные глаза которого строго смотрят на него. Марий молча опускается на колени и склоняет голову.

Дубравка

– Встань, ромей, и говори...

Марий *(встаёт)*

– Хотел увидеть,

кем был сегодня я сражён...

Дубравка

– Зачем пришёл на Русь, ромей?

Марий

– Мне заплатили...

Дубравка

– Вы там, у себя,
всё делаете за плату?

Марий

– Да,
там деньги решают всё...

Дубравка

– И ты хотел,
чтобы так было и у нас?

Марий

– Я воин,
и не могу знать всего...

Дубравка

– Понимаю,
у вас же строй рабов,
а раб не знает,
что знает господин его.
У нас же строй общинный,
и знания доступны всем...

Марий

– Я сам не раб,
но в доме у меня,
достаточно рабов...

Дубравка

– Ты раб,
хотя об этом и не знаешь.
Сам господин находится,
в рабстве у раба своего,
потому что не знает,
как жить без него...

Марий

– Я в той стране родился,
и то усвоил для себя,
чему в ней обучился.
Так воспитали там меня.
И вас пытаюсь я понять,
но не могу...

Дубравка

– Чего теперь,
ты просишь для себя?

Марий

– Свободы,
но жду расплаты.
За взгляд, один свой на тебя,
я голову пообещал с себя...

Дубравка

– Кому?

Марий *(показывает на Руслана)*

– Ему...

Дубравка

– Он вправе требовать за друга,
но над пленными нет у нас суда.
Ты побежден и более не страшен нам,

тебя отпустит наш Руслан.
Свободен ты, ромей, иди,
и больше к нам не приходи...

Руслан *(горячо)*

– Дубравка,
как же так?!
Он убить тебя хотел,
и не убил чуть друга!

Пытается ближе подойти к Дубравки, но ему заступает дорогу Родомысл.

Родомысл

– Оставь, Руслан,
она всё сказала...

Руслан расстроенный отходит от Дубравки и подходит к Марию.

Руслан

– Ну, ромей! Ну повезло!
Ты друга ранил моего!
И как назло –
не отплатил я за него.
Тебя я зря сюда тащил,
за что же он тебя простил?

Руслан отпускает Мария.

Дубравка *(Марию)*

– Иди, ромей, к себе,
тебя никто не тронет...

Марий *(удивлённо)*

– Как?!

Без всякой пользы для себя,
вы отпускаете меня?!
Я богат,
и могу дать выкуп...

Дубравка

– Мы,
ромей, – не вы,
и не нужны нам барыши...

Дубравка и её окружение уходят в шатер. Марий один. Он подавлен и угнетён. На него никто не обращает внимание. Он никому не нужен. Он хватается за голову и, не разбирая дороги, бежит прочь.

Марий

– О, ужас! О, ужас!
Вторым мечом её сражён,
на этот раз смертельно.
Я им не нужен – унижен,
достойный лишь презренья!
У них не стою я –
ни выкупа, ни смерти,
что стоит жизнь теперь моя,
свободная – без чести?!
Она свела меня с ума,
она меня убила,
свободу подарить смогла,
а совестью пленила!
Проклятые русские!
Проклятые русские!
О, ужас! О, ужас!

СЦЕНА 27.

Тайный острог. Ворота острога и двери темницы распахнуты. Всё в беспорядке. По двору бесцельно бродит Авдей. Он что-то бормочет. Он до сих пор не может прийти в себя. Он безумен. Во двор верхом на всем скаку въезжает Димитрий. Он поражён увиденным, соскакивает с коня и бежит в темницу. Не найдя там Варвары, выбегает. Он взбешен, хватает за грудки Авдея и трясёт его.

Димитрий *(гневно)*

– Где она?!
Где?!

Авдей *(блаженно улыбается)*

– Она ушла...
Пришла и ушла, –
переходит на шепот, –
она ко мне приходила,
ага, ко мне, –
смеётся...

Димитрий *(раздражённо)*

– Ты что несёшь, пёс?!
Кто приходила?!
Кто она?!

Авдей

– Богиня...
Она ко мне приходила,
ага, ко мне, –
смеётся...

Димитрий

– Какая богиня?!
Где Варвара?!

Авдей

– Нет никого,
кроме богини,
ага, ха-ха...

Димитрий

– Дружки твои где?!

Авдей

– Она их наказала...
Она всех накажет, –
грозит пальцем, –
и тебя накажет,
ага...

Димитрий

– Упустили! –
Бросает Авдея на землю,
выхватывает меч.
– Убью, собака!

Авдей *(в страхе)*

– Пощади!
Не убивай меня!
Я жить хочу.
Она меня пощадила,
она жизнь мне дала,
и любила, любила, любила.
Не убивай меня, –
плачет...

Димитрий свирепеет. Поднимает на Авдея меч. Тот в страхе ползёт от него, закрываясь руками.

Авдей

– Не надо... не надо...

Димитрий *(рубит)*

– Ээ-эх! ээ-эх!

Авдей *(истекает кровью)*

– Не надо... Не надо...

Димитрий *(рубит)*

– На тебе, гад!
На!

Наконец Авдей затихает. Вдруг Димитрий роняет меч и хватается за сердце.

Димитрий *(испуганно)*

– Что это? Что со мной?
Я чувствую, как я слабею,
как будто жизнь уходит из меня. –
Кричит:
– Господи!
Мне больно!
Словно меч булатный,
вонзили в сердце мне...

Раздаётся голос:

– Вернулось зло к тебе...

Димитрий узнаёт голос Варвары и с упрёком обращается к ней:

– Варвара, Варвара,
ты же меня целовала...

Голос

– Я поцелуем,

Жизни выкупала...

Димитрий *(держится за сердце)*

– Варвара, Варвара,
поцелуем ли губишь меня?

Голос

– Не поцелуй сгубил тебя,
а словом ты убил себя...
Ты слово дал – не убивать,
остался б жить – коль смог сдержать.

Димитрий *(тяжело вздыхает)*

– Ох,
сильна же слова кара,
кому спасенье,
а кому отрава. –
Кричит:
– Варвара!

Падает наземь и умирает.

СЦЕНА 28.

Суздаль. Царские палаты. Есфирь и князь одни. Князь смотрит в окно. Он задумчив. Есфирь прохаживается. Она встревожена.

Есфирь *(князю)*

– Союзники наши – Светобором разбиты,
его дружины к Суздалю идут,
с часу на час – будут тут.
Отдай приказ – запереть ворота,
его в столицу не впускать,
и прочь от града отогнать...

Князь молчит.

Есфирь

– В осаде отсидимся,
подмоги новой будем ждать...

Князь молчит. Входит стражник и сообщает:

– Светобор у ворот града...

Князь молчит.

Есфирь *(беспокойно)*

– Не медли, князь,
отдай приказ –
запереть ворота...

Князь *(безучастно)*

– Не моя воля, не моя воля...

Входит второй стражник и сообщает:

– Светобор в городе...

Есфирь

– Ещё не поздно, князь,
отдай приказ...

Входит третий, стражник и сообщает:

– Светобор во дворце...

Есфирь мечется. Она объята страхом. Сама отдаёт приказ, но её никто не слушает. Все смотрят на князя. Вдруг распахиваются двери, входят Светобор, Дубравка, Руслан, Родомысл, Любомир, с ними воины и народ.

Есфирь *(хватается за голову)*

– Проклятие! –
Подбегает к князю:
– Князь, тут народ –
прогони его...

Князь

– Не моя воля,
не моя воля...

Светобор

– Вы проиграли,
мы град без боя взяли,
он наш,
и вы у нас в плену...

Народ

– К суду!

Есфирь *(тормошит князя)*

– Князь,
тут народ,

прикажи его прогнать,
тебя под суд хотят отдать...

Князь

– Не моя воля,
не моя воля...

Народ

– К суду!

Входит Варвара. Все расступаются, пропускают её вперёд.

Светобор

– Что скажет Варвара...

Дубравка

– Послушаем её...

Варвара

– Оставьте его,
он невиновен...

Она подходит к князю, снимает с его головы венец. Князь приходит в себя, узнает Варвару, обнимает её и признаётся ей в любви. Народ радуется.

Варвара *(к народу)*

– Всему виною это, –
показывает всем венец, –
он чужой,
он не для нас.
Что будем делать с ним?

Светобор

– Вернуть хозяевам его...

Дубравка

– Хозяйке лучше...

Народ

– Вернуть! Вернуть!
Он не нужен нам,
не нужен!
Нахлебались от него!
Пусть заберёт себе его...

Варвара подходит к Есфири и отдаёт ей венец.

Варвара

– Возьми своё добро,
оно Руси приносит зло.
Иди к себе,
и там –
вы можете ему молиться,
а нам –
подальше сторониться...

Есфирь берёт венец и идёт к выходу.

Есфирь *(зло)*

– Ненавижу!

Князь *(останавливает)*

– Нет, нет!
Довольно русской доброты чужим,
недостаёт уж доброты своим...
Накажем зло –
в острог её.
Светлицу –
сменить ей на темницу...

Есфирь берут под стражу.

Есфирь *(зло)*

– Ненавижу!

Её уводят.

Входит Боговед. Все расступаются, пропускают его вперёд.

Боговед *(торжественно)*

– Чесной народ!
На Руси настал наш мир –
конец вражде,
и чужеземной власти!
Послужим Вере и стране,
Любви, Надежде, Доброте,
родной любимой старине –
отцам и детям нашим!

Народ *(поёт)*

– Мир! Мир!
Конец вражде –
мы служим, служим доброте...

Боговед *(торжественно)*

– Чесной народ!
Венчаний наступило время!
Скрепить законною рукою,
союз двух любящих – наш долг!
Не будем медлить –
влюблённые благословим сердца!
Что лучше,
как свадьбами мир встретить,
жизнь продолжаться вновь должна! –
Князю:
– Князь, государь Руси Великой,
с себя начни сей долг святой,
избранницу земли родной,

умну, пригожу ликом,
сегодня всей Руси открой!

Всеволод

– Отче!
Народ родной!
Давно хочу, заждался я,
вот кто избранница моя, –
берёт Варвару за руку,
и подводит её к Боговеду.
– Благослави, владыко,
на счастье,
наш дружный, любящий союз. –
К народу:
– Прими народ княжну мою,
как государыню свою,
с душой для верного служения!

Боговед надевает на головы Варвары и Всеволоду венцы.

Боговед

– Живите!
В дружбе и Любви –
друг с другом, с Богом и с Отчизной!

Варвара *(князю тихо)*

– Носи и не теряй,
медведя больше не трави …

Всеволод

– Прости!
Медведя – Русь я сохраню!

Боговед благословляет их союз. Варвара и Всеволод целуются. Народ поёт.

– Слава! Слава!
Князю и княгине:
Государю и Государыне всех
Русий!

Дубравка *(легонько толкает локтём Светобора:*

– Ну, что стоишь?

Светобор *(притворно)*

– А что?

Дубравка *(с ласковым упрёком)*

– А то не знаешь...

Светобор

– А-а,
знаю, знаю –
вспомнил...

Дубравка *(с ласковой строгостью)*

– Ну, так не стой –
зови...
Вы женихи,
в бою смелы,
а в сватовстве нерасторопны –
всё напоминать мы вам должны...

Светобор

– Дубравушка – любовь моя,
пошли и мы...

Светобор берёт Дубравку за руку и подводит её к Боговеду.

Светобор

– Отче!
Благослави на счастье,
наш дружный, любящий союз…

Боговед надевает венцы на головы Дубравки и Светобора и благословляет. Дубравка и Светобор целуются.

Руслан *(товарищам)*

– Светобор,
мой друг повенчан,
а что же я стою?
Где моя Людмила?
Пойду найду, –
ищет её глазами.

Товарищи

– Так вон она,
тебя же ищет...

Руслан

– Ах, да... –
Он подходит к Людмиле, –
слава Богу!
Во время нашёл тебя...
Мой друг венчается,
а что же я?
Я с другом солидарен –
от них мы не отстанем!
Как ты думаешь, краса моя?

Людмила

– Я тоже так думаю,
что не отстанем...

Они берутся за руки и идут к Боговеду. Тот венчает и благословляет их.

Боговед

– Чесной народ!
Любви мы долг отдали.
Настал и примирения черёд!
Всем поколеньям наперёд,
мы душу русскую покажем –
войны не любит наш народ!
На площадь все –
наварим миром каши –
на счастье, дружбу и любовь,
как поступали предки наши,
мы не забудем их основ!

Все *(поют)*

– Мир! Мир!
Конец вражде!
Мы служим, служим доброте!

Все идут на площадь варить и есть кашу мира.

СЦЕНА 29.

Суздаль. Дом Зосимы Чёрного. Он в панике мечется по дому. Складывает в мешки деньги. Готовится к побегу.

Зосим *(испуганно)*

– Господи!
Что же будет?
Что же будет?
Всё нажитое пропадёт!
Всё ханет!

Раздаётся стук в двери. Зосим трусливо бежит к двери и припадает к ней ухом.

Зосим

– Кто?
Голос за дверью:
– Мы...

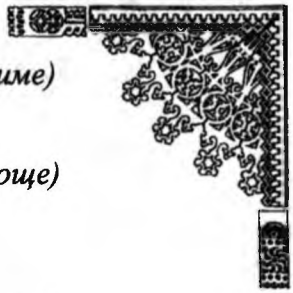
Зосим узнает голоса своих хозяев, открывает. Входят Мордухай, Мойша и Схария.

Зосим *(облегчённо вздыхает)*

– Слава Богу!
Свои!
Напужали...

Мойша *(ехидно)*

– Ага, свои. –
Тихо:
- Нашёл своих, козёл...



Мордухай *(к Зосиме)*

– Писание...

Зосим *(непонимающе)*

– Что?

Мойша *(грубо)*

– Писание, спрашивают, где?

Зосим *(догадывается)*

– А-а,
писание,
понял, понял...

Схария *(грубо)*

– Давай сюда...

Зосим *(угодливо)*

– Щас, –
бежит в другую комнату,
выбегает, услужливо подаёт, –
вот...

Мордухай берёт рукописи, внимательно их читает, рассматривает.

Мордухай

– Всё?

Зосим *(не понимает)*

– Что?

Мойша *(грубо)*

– Тебя спрашивают –
всё тут, нет?

Зосим *(понимает)*

– Ага,
всё, до словечка...
Вы уходите –
я с вами...

Мойша *(ехидно)*

– Ага,
нужен ты нам,
как собаке пятая нога...

Зосим *(удивлённо)*

– Как?!
Я же был нужен вам...

Сxария

– Тут,
но не там...

Зосим *(умоляюще)*

– Возьмите!
Я и там вам пригожусь!

Мойша

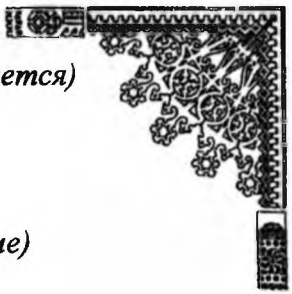
– И там,
таких как ты немало...

Зосим

– Возьмите деньги,
но не оставляйте меня!

Мойша *(угрожающе)*

– Ты что, козлиная морда,
купить нас хочешь?



Зосим *(оправдывается)*

– Нет, нет,
я всё отдам,
только возьмите...

Мордухай *(Зосиме)*

– Ты заработал,
деньги твои, –
он скручивает рукописи,
и прячет за пазуху, –
а впрочем, как хочешь, –
кивает своим, –
пошли...

Он поворачивается и уходит. За ним следуют Мойша и Схария. Но Мойша возвращается за деньгами. Зосим прижимает мешки к груди.

Зосим *(умоляет)*

– Не забирай,
оставь!
Я здесь ими могу откупиться...

Мойша

– Не откупишься, –
смотрит в окно, –
поздно.
За тобой уже идут.
А нам они могут сгодиться –
козлов кормить,
нынче жуть сколько их развелось,
ненасытны козлы –
до капусты дюже жадны...

Зосим падает на колени, цепляется за мешки:

– Не отдам!

Они мои!

Мойша толкает его ногой и вырывает мешки:

– Пшёл прочь,
козлиная морда...

Он забирает мешки и уходит. Зосим бежит к окну, видит народ идёт к его дому, закрывает двери и прячется под лавкой. В двери громко стучат слышится шум, засовы отлетают, входит народ.

Один

– Где этот жидовский прихвостень?

Второй *(находит)*

– Вот он!

Третий

– Тащи его сюда!

Его тащат. Зосим кричит, визжит, упирается.

Четвертый

– Спалим гнездо!

Пятый

– Спалим! Спалим!

Все уходят, подпирают двери и запаливают дом. Дом и Зосим сгорают.

СЦЕНА 30.

Весна. Поле. Начало полевых работ. Наступает рассвет. Боговед, Варвара, Всеволод и народ ожидают восхода солнца. Появляется солнце.

Боговед *(воздев к небу руки)*

– Ты!
Который зачал небо и землю,
и дал их на жизнь нам,
Слава Тебе!

Народ *(поёт)*

– Слава! Слава! Слава!

Боговед

– Благослови!
На труд в этот год,
и дай в изобилии плодов нам,
во славу Свою,
и на житие наше!
Слава!

Народ *(поёт)*

– Слава! Слава! Слава!

Боговед *(князю)*

– Зачинай, великий князь,
сие святое дело!

Князь встаёт за плуг и пашет первую борозду. Следом идёт Боговед и бросает в борозду семена. Варвара поливает. После вспашки князем первой борозды народ начинает пахать землю, сеять хлеб и славить Бога.

СЦЕНА 31.

Суздаль. Край города. Два старых жителя.

Первый

– Русь ожила, зашевелилась!

Второй

– От Красоты она родилась!

Первый

– Нетленен чрева плод Её!

Второй

– Хлебами вновь заколосилась!

Первый

– Такая Правда у Неё!

Второй

– Смотри,
что это там?

Первый

– Где?

Второй *(показывает рукой)*

– Вон там...
Как будто пыль виднеется вдали,
а с ней и шум какой-то слышен,
и движется всё это к нам...

Первый *(всматривается)*

– А-а,

то мужики и бабы,
возвращаются с полей своих,
и песни развесёлые поют,
знать, на славу потрудились...

Второй *(прислушивается)*

– Так и есть – поют.
А по пути, как водится, играют,
от того и пыль...

Первый

– Такая пыль не в тягость...

Второй

– И шум такой благотерпим...

Первый

– Слава Богу,
Русь обрела свой Образ!

Второй

– Слава Богу,
обрела!

Первый

– Хорошо бы навсегда!

Второй

– Будем надеяться...

Первый

– Будем надеяться...

СЦЕНА 32.

Небольшая лесная поляна. Дубравка и Светобор одни. Они сидят на траве, Дубравка грустна. Светобор обеспокоен её грустью.

Светобор

– Ты счастлива?

Дубравка *(неуверенно)*

– Да...

Светобор

– О чём печалишься тогда?
Ведь кончилась война,
и Русь нашла свои права...

Дубравка

– Никогда,
конца войне не будет,
пока,
Любви храм не построят люди,
и Троица Ей имя не дадут,
сокрыт от них тройной всегда Свет будет,
а без него они друг друга не поймут...

Светобор

– Значит,
снова в путь?

Дубравка *(уверенно)*

– В путь...

Дубравка и Светобор встают и, взявшись за руки, уходят.

ЗАНАВЕС